СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXIII, № 3.

ОТЧЕТЪ

О ПЕРВОМЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ 19-ГО СЕНТЯБРЯ 1901 ГОДА

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ **А. Н. ВЕСЕЛОВСКИМЪ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

3 1

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1903 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОТЧЕТЪ

О ПЕРВОМЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ,

читанный въ публичномъ засѣданіи 19-го сентября 1901 года
Ординарнымъ академикомъ **А. Н. Веселовскимъ.**

Въ текущемъ году впервые рѣшенію Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ предстоитъ оцѣнка и награжденіе представленныхъ на его судъ трудовъ академическими преміями, учрежденными его бывшимъ сочленомъ, ординарнымъ академикомъ, митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ.

На настоящій конкурсъ представлено было всего *одиннадцать* сочиненій. Изъ этого числа шесть сочиненій были сняты съ конкурса: два по просьбѣ самихъ авторовъ и два вслѣдствіе отрицательнаго отзыва о нихъ рецензентовъ; одно не могло быть допущено къ соисканію преміи, какъ неудовлетворяющее требованіямъ § 4 Правилъ о присужденіи премій митрополита Макарія, согласно которому къ соисканію премій допускаются лишь сочиненія на русскомъ языкѣ, и одно—отложено до слѣдующаго конкурса въ виду того, что представляетъ лишь начало многотомнаго труда.

Такимъ образомъ обсужденію особо образованной изъ чле-

новъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Комиссіи — подъ предсѣдательствомъ бывшаго Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, покойнаго академика М. И. Сухомлинова и замѣнявшихъ его временно, вслѣдствіе болѣзни, академиковъ А. Н. Веселовскаго и А. Н. Пыпина, — подлежало всего *пять* нижепоименованныхъ сочиненій, которыя были разсмотрѣны, согласно § 13, особо приглашенными рецензентами, сообщившими о нихъ свои мнѣнія въ тщательно составленныхъ ими критическихъ отзывахъ и разборахъ.

I.

Рукописный трудъ М. И. Михельсона подъ заглавіемъ: «*Русская мысль и рѣчь. Опытъ русской фразеологіи*» (въ 7 тетрадяхъ)—былъ рецензированъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, профессоромъ И. В. Помяловскимъ.

Г. Михельсонъ приступилъ къ новому изданію своего труда, выдержавшаго уже два изданія въ 1894 и 1896 г.г., во всеоружіи ученыхъ пособій иностранной литературы. Для него онъ проштудировалъ?!, — замѣчаетъ г. рецензентъ, — массу русскихъ авторовъ, начиная съ древнѣйшихъ, напр.: съ Лѣтописей и Слова о Полку Игоревѣ, до новѣйшихъ, напр. А. Чехова и М. Горькаго. «Что особенно пріятно въ трудѣ г. Михельсона—это то, что авторъ, по мѣрѣ разрастанія своего труда, все болѣе и болѣе совершенствовалъ точность своихъ цитатъ и ссылокъ; у него уже не встрѣчаются, какъ было ранѣе, голословныя указанія на того или другого писателя, но цитаты его всюду сопровождаются точными указаніями на сочиненіе и, по возможности, на страницу».

Рецензентъ признаетъ трудъ г. Михельсона настоящимъ источникомъ для справокъ всякому, желающему ознакомиться съ тѣмъ или другимъ русскимъ образнымъ выраженіемъ.

Предшественниковъ у г. Михельсона въ русской литературѣ было не много и всѣ они, по мнѣнію рецензента, не могутъ быть названы безусловно доброкачественными. «Тѣмъ въ бо̀ль-

шую заслугу слѣдуетъ вмѣнить почтенному автору его колоссальный трудъ; безъ преувеличенія можно сказать, что изумительна энергія автора, не убоявшагося громады труда и подарившаго русской публикѣ такую справочную книгу, которая, по ея отпечатаніи, послужитъ для всѣхъ, интересующихся образностью русской рѣчи, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ можно будетъ строить дальнѣйшіе выводы».

«Равнымъ образомъ — продолжаетъ проф. Помяловскій — нельзя оставить безъ упоминанія и еще одно важное значеніе для насъ книги г. Михельсона. Объясняя всѣ русскія иносказанія, разбросанныя и трудно потому находимыя въ русскихъ словаряхъ, онъ даетъ возможность иностраннымъ переводчикамъ избѣгать тѣхъ, нерѣдко искажающихъ смыслъ текста, неправильностей, которыми отличаются ихъ переводы по незнакомству ихъ съ истиннымъ значеніемъ русскихъ иносказаній». Эта сторона труда г. Михельсона, впрочемъ, уже отмѣчена была въ иностранныхъ рецензіяхъ послѣ выхода въ свѣтъ 2-го изданія его «Ходячихъ и мѣткихъ словъ». Кромѣ того, указанія на этимологическое происхожденіе многихъ русскихъ и всѣхъ иностранныхъ, получившихъ у насъ право гражданства, словъ — даютъ богатый матеріалъ для будущаго этимологическаго словаря русскаго языка.

«Посему я полагалъ бы, — такъ заключаетъ свою рецензію проф. Помяловскій, — что рукопись труда г. Михельсона, какъ работа громадная, свидѣтельствующая о неустанномъ трудолюбіи и работоспособности автора и могущая служить необходимымъ пособіемъ для изученія русскаго языка и для научной его разработки, вполнѣ заслуживаетъ поощренія полною премією митрополита Макарія».

II.

Трудъ приватъ-доцента Императорскаго Санктпетербургскаго Университета В. Перетца — «*Историко-литературныя*

изслѣдованія и матеріалы». Томъ I: «*Изъ исторіи русской пѣсни*». Часть 1: Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI — XVIII вв. на великорусскую. — Къ Исторіи «Богогласника» (Спб. 1900 г.) — Часть 2: *Приложенія*. Описанія сборниковъ псальмъ, кантовъ и пѣсенъ. — Вирши изъ старопечатныхъ изданій. — Малорусскія пѣсни изъ рукописей XVIII в. — Указатели (Спб. — 1900 г.)» — былъ разсмотрѣнъ по просьбѣ Комиссіи членомъ-корреспондентомъ Отдѣленія, профессоромъ П. И. Житецкимъ.

Въ заключеніе своей обширной рецензіи, отмѣтившей положительныя достоинства труда г. Перетца и указавшей на нѣкоторые его недостатки, П. И. Житецкій говоритъ: «Мы окончили разборъ сочиненія г. Перетца и не безъ внутренняго раздвоенія должны выразить о немъ наше окончательное мнѣніе. Не мало въ немъ недостатковъ, преимущественно методологическихъ, но въ цѣломъ оно представляется намъ новымъ по замыслу и значительнымъ по содержанію. Избравъ для своихъ историко-литературныхъ изслѣдованій русской пѣсни твердую отправную точку въ югозападныхъ виршахъ конца XVI и начала XVII вѣка, авторъ обращается прямо къ старопечатнымъ книгамъ и къ рукописнымъ сборникамъ виршевой поэзіи и спускается отъ нихъ къ народной пѣснѣ, а не наоборотъ, какъ это большею частію дѣлалось прежде. Правда, онъ не захватываетъ вопроса съ внутренней стороны, не указываетъ съ достаточной полнотой и ясностью на точки соприкосновенія между народнымъ міровоззрѣніемъ и виршевымъ, между народной поэтической техникой и виршевой, не выясняетъ переходныхъ ступеней въ малорусскихъ вліяніяхъ и великорусскихъ воспріятіяхъ въ исторической преемственности этихъ явленій, но всѣ эти пробѣлы мы объясняемъ труднымъ положеніемъ автора, который, въ виду несобраннаго еще и вообще мало извѣстнаго матеріала, долженъ былъ самъ подготовлять почву для своихъ изслѣдованій и взять на себя множество черновыхъ и кропотливыхъ работъ, неизбѣжно связан-

ныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, разбросанныхъ въ разныхъ библіотекахъ и архивахъ. Въ результатѣ получилась та первоначальная обработка сырого матеріала, которая послужитъ надежнымъ основаніемъ для другихъ болѣе всесторонніхъ изслѣдованій. Довольно сказать, что сочиненіе г. Перетца, всецѣло посвященное виршамъ, обнимаетъ этотъ громадный и въ тоже время крайне подвижный и зыбкій матеріалъ на пространствѣ двухъ вѣковъ — отъ конца XVI до конца XVIII вѣка. Другого подобнаго сочиненія пока нѣтъ въ наукѣ, потому намъ кажется, что оно вполнѣ заслуживаетъ половинной преміи имени митрополита Макарія».

III.

Изслѣдованіе приватъ-доцента Императорскаго Санктпетербургскаго Университета В. Сиповскаго «*Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника»* (Спб.—1899 г.)— было взято на разсмотрѣніе академикомъ И. Н. Ждановымъ.

Авторъ въ своемъ изслѣдованіи далъ біографическія свѣдѣнія о Карамзинѣ до времени путешествія и свѣдѣнія о литературной исторіи «Писемъ русскаго путешественника». Самое путешествіе Карамзина онъ разсмотрѣлъ съ біографической, историко-литературной и историко-культурной стороны. Въ приложеніяхъ къ книгѣ, авторомъ помѣщены статьи: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» и «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина».

«Достоинство такихъ научныхъ трудовъ, — замѣчаетъ рецензентъ, — какъ трудъ г. Сиповскаго, — трудовъ, въ которыхъ вниманіе изслѣдователя сосредоточивается на изученіи одного литературнаго произведенія,—опредѣляется тщательностью и законченностью разработки избранной темы, полнотой собранныхъ фактовъ, новизной и основательностью соображеній и выводовъ. Изслѣдованіе г. Сиповскаго вполнѣ удовлетворяетъ

всѣмъ этимъ требованіямъ». «Рядомъ съ тщательнымъ, кропотливымъ подборомъ фактовъ находимъ у г. Сиповскаго новыя сопостановленія фактовъ, счастливыя соображенія и догадки».

«Конечно, не со всѣми догадками и выводами г. Сиповскаго можно согласиться; можно указать въ его трудѣ кое-что лишнее, кое-что недостающее, но эти маленькіе недочеты не понижаютъ высокой цѣнности сочиненія, написаннаго даровитымъ и трудолюбивымъ изслѣдователемъ. Не колеблясь признаю сочиненіе г. Сиповскаго заслуживающимъ поощрительной преміи».

IV.

Изслѣдованіе Н. Шлякова «*О поученіи Владимира Мономаха*» (Спб. 1900 г.) — было разсмотрѣно академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Г. рецензентъ находитъ, что «авторъ удовлетворительно разрѣшилъ главные вопросы, связанные съ историко-литературнымъ изслѣдованіемъ этого памятника», — и что «основное положеніе автора о томъ, что поученіе написано зимою 6613 мартовскаго года, представляется доказаннымъ». «Равнымъ образомъ, — продолжаетъ рецензентъ, — нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Мономахъ самъ продолжалъ свое Поученіе перечнемъ походовъ послѣдующихъ двѣнадцати лѣтъ (1106 — 1118). Указанія г. Шлякова на связь приводимыхъ авторомъ Поученія текстовъ съ церковными пѣснопѣніями и молитвословіями, а также съ писаніями св. отцовъ, представляются весьма цѣнными и убѣдительными. Кромѣ того г. Шляковъ сумѣлъ дать отвѣты на рядъ попутно встрѣтившихся ему вопросовъ, вопросовъ — касающихся нашей древней исторіи и литературы. Но увлеченіе ими помѣшало ему сосредоточить еще въ большей степени свое вниманіе на главномъ предметѣ изслѣдованія — текстѣ Поученія и на связи его съ Лѣтописью. Слѣдствіемъ этого явились тѣ весьма искусственныя и произвольныя построенія автора, кото-

рыми онъ пытается возстановить первоначальный видъ Поученія. Всѣ его предположенія о числѣ выпавшихъ изъ древняго оригинала листовъ, о числѣ строкъ и буквъ, умѣщавшихся на страницѣ его, врядъ ли удовлетворятъ другихъ изслѣдователей, знающихъ, съ какою осторожностью должно выставлять даже простыя, несложныя гипотезы, при критикѣ древняго текста. Особенно произвольно объясненіе, предложенное авторомъ, того обстоятельства, что перечень походовъ Мономаха прерывается на 1118 году: онъ ставитъ его въ связь съ тѣмъ, что въ февралѣ 1119 года Мономахъ отпустилъ отъ себя сына своего Андрея на княженіе во Владиміръ Волынскій; разставаясь съ семнадцатилѣтнимъ сыномъ, Мономахъ для наставленія его вручилъ ему, по предположенію г. Шлякова, экземпляръ Поученія. Между тѣмъ гораздо убѣдительнѣе связать перерывъ Мономаховой лѣтописи на 1118 году — съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ именно году появилась въ Кіевѣ новая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ, редакція представляющаяся переработкой Сильвестровой редакціи 1116 года».

Въ виду указанныхъ недостатковъ труда г. Шлякова, въ значительной степени превышающихъ безспорныя его достоинства, г. рецензентъ находилъ возможнымъ увѣнчать представленное имъ сочиненіе лишь поощрительною преміей.

V.

Указатель къ «Опыту Россійской Библіографіи» В. С. Сопикова—(къ книгамъ гражд. печати). (Москва, 1900 г.) Библіотекаря Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. Рогожина — былъ разсмотрѣнъ Д. Д. Языковымъ.

Въ ряду такъ называемыхъ «справочныхъ изданій», необходимыхъ для библіотекарей и собирателей старинныхъ книгъ, для записныхъ библіографовъ и вообще изслѣдователей по исторіи прежней русской литературы, уже около девяноста лѣтъ числится

и занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ извѣстный трудъ В. С. Сопикова — «*Опытъ Россійской Библіографіи*».

Несовершенства этого труда уже съ давнихъ поръ и до настоящаго времени побуждали русскихъ библіографовъ, начиная съ извѣстнаго «книголюбца» митрополита Евгенія и кончая современными дѣятелями на томъ же поприщѣ, то исправлять, то дополнять Опытъ Россійской Библіографіи. Даже четверть вѣка тому назадъ была сдѣлана попытка дать и «*Алфавитный указатель* именъ авторовъ, переводчиковъ, издателей и другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ Опытѣ Россійской Библіографіи В. Сопикова (томы II — V)»[1]). Но все это были случайныя или частичныя «исправленія», невольно заставлявшія желать «наиболѣе полнаго улучшенія» Сопиковскаго труда. Какъ бы въ отвѣтъ на такое желаніе библіографовъ, теперь появилась книга г. Рогожина.

Свой обстоятельный разборъ Указателя г. Рогожина г. рецензентъ заключаетъ слѣдующими словами: «Мы считаемъ долгомъ признать, что замѣченные нами пробѣлы Рогожинскаго Указателя» восполняются высокими качествами труда, заслуживающими благодарности со стороны библіографовъ и должнаго поощренія со стороны высшаго научнаго учрежденія — Императорской Академіи Наукъ. Поэтому мы ходатайствуемъ предъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности о награжденіи книги г. Рогожина одною изъ Макарьевскихъ премій—наградъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ того знаменитаго іерарха Русской Церкви, который въ своихъ историческихъ трудахъ всегда опирался на рукописные или печатные памятники литературы и собственныя изслѣдованія постоянно сопровождалъ многими «библіографическими примѣчаніями».

По прочтеніи представленныхъ рецензентами критическихъ разборовъ и по внимательномъ обсужденіи ихъ, Комиссія нашла

1) Составленъ былъ П. Морозовымъ и напечатанъ въ Сборникѣ Отдѣленія русск. языка и словесн. И. Ак. Н., т. XV, № 5, стран. 1 — 47.

безспорными отмѣченныя г.г. рецензентами достоинства всѣхъ пяти упомянутыхъ сочиненій и признала три первыя изъ нихъ заслуживающими поощренія неполными преміями имени митрополита Макарія. Равнымъ образомъ, по мнѣнію Комиссіи, заслуживаютъ поощренія и остальныя два сочиненія. Имѣя однако въ виду, что по точному смыслу § 5 Правилъ о порядкѣ присужденія премій митрополита Макарія, онѣ состоятъ изъ одной полной въ тысячу пятьсотъ рублей и двухъ неполныхъ премій по тысячѣ рублей каждая, Комиссія, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія и на основаніи §§ 12, 16 и 18 тѣхъ же Правилъ, постановила присудить г.г. Михельсону, Перетцу и Сиповскому три *неполныя* преміи имени митрополита Макарія *по тысячѣ рублей* каждому, г. Шлякову *поощрительную* премію въ пятьсотъ рублей и г. Рогожину *первый почетный отзывъ*.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, высоко цѣня просвѣщенную готовность, съ какою приглашенные имъ ученые приняли на себя трудъ разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на настоящее соисканіе премій митрополита Макарія, считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести глубокую свою благодарность членамъ-корреспондентамъ П. И. Житецкому, И. В. Помяловскому и библіотекарю Императорскаго Московскаго Университета Д. Д. Языкову.

I.

Отзывъ о книгѣ (въ рукописи) **М. И. Михельсонъ.** Опытъ русской фразеологіи. Русская мысль и рѣчь. Наше и чужое.

Рецензія чл.-корр., проф. **И. В. Помяловскаго.**

Г. Михельсонъ является уже не первый разъ въ нашей литературѣ съ трудомъ, близкимъ къ тому, заглавіе котораго выписано выше. Въ 1894 году, послѣ многолѣтней работы, появился въ печати его сборникъ подъ заглавіемъ: «Мѣткія и ходячія слова». Въ предисловіи къ этому изданію, которое было посвящено собранію русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній), мы, между прочимъ, читаемъ: «Сборникъ этотъ долженъ служить только первымъ опытомъ и, можетъ быть, окажется полезнымъ, какъ матеріалъ для составленія возможно полнаго словаря часто употребляемыхъ у насъ русскихъ и иностранныхъ ходячихъ словъ и для дальнѣйшаго ознакомленія съ русской фразеологіей». Авторъ такимъ образомъ уже тогда имѣлъ въ виду, познакомивъ читателя (преимущественно) съ цитатами, изреченіями, пословицами, т. е. съ народною мудростію, перейти къ особенностямъ русской рѣчи, служащимъ для образнаго выраженія самой мысли. Видя, что этотъ первый его (и вообще въ нашей литературѣ) трудъ не остался незамѣченнымъ (такъ какъ это изданіе разошлось въ первые 3 мѣсяца по выходѣ въ свѣтъ), авторъ принялся за пополненіе своего сборника, при

чемъ обратилъ особенное вниманіе на русскія пословицы, съ указаніемъ ихъ источника — миѳологическаго, юридическаго, историческаго, библейскаго и др., и разъясненіемъ ихъ, а также приведеніемъ соотвѣтствующихъ имъ иностранныхъ, откуда онѣ могли быть заимствованы, или съ смысломъ которыхъ онѣ случайно совпадаютъ: пословицы нѣмецкія, англійскія, французскія, итальянскія, латинскія и греческія приводятся авторомъ въ подлинникѣ, а пословицы турецкія, персидскія, арабскія, арамейскія, еврейскія, китайскія, санскритскія — въ переводѣ.

Такимъ образомъ, черезъ два года вышло второе изданіе сборника ходячихъ и мѣткихъ словъ въ пересмотрѣнномъ и значительно пополненномъ видѣ, съ приведеніемъ образныхъ выраженій, свойственныхъ русскому языку (въ видѣ иносказаній), что опять-таки послужило новымъ шагомъ къ дальнѣйшему ознакомленію не только съ русской мыслію, но и съ русской рѣчью. Нынѣ, въ 1900 году, восемь лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія, неутомимый авторъ представилъ наконецъ новый свой трудъ подъ заглавіемъ: «Опытъ русской фразеологіи. Русская мысль и рѣчь. Наше и чужое». Это—новое, совершенно переработанное сочиненіе, хотя и напоминаетъ и заключаетъ въ себѣ многое, появившееся въ предыдущихъ изданіяхъ, что, однако, необходимо вслѣдствіе тѣсной связи между пословицами и пословичными выраженіями, существенно отличается однако отъ нихъ не только богатствомъ новаго матеріала (собраніе пословицъ, поговорокъ, иносказаній) и разработкою его, но и совершенно новыми задачами: цитаты и особенно пословицы, поговорки, имена миѳологическія и другія (пословичныя) выраженія, въ видѣ иносказаній, приводимыя въ этомъ сборникѣ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ примѣрами для изученія образности русской рѣчи, и такимъ образомъ получается намѣченное въ первыхъ двухъ изданіяхъ изученіе русской фразеологіи. Для большей полноты въ разсматриваемый сборникъ включены и такія слова, которыя перешли къ намъ цѣликомъ изъ языковъ иностранныхъ, и частію получили право гражданства, частью же

внесены къ намъ, не слившись однако съ русской рѣчью, и ихъ объясненіе необходимо для полнаго пониманія читаемаго. Цѣль такого сборника — съ одной стороны — познакомить читателя съ массою общеупотребительныхъ цитатъ, изреченій, пословицъ русскихъ параллельно съ цитатами выдающихся мыслителей всѣхъ вѣковъ и пословицами всѣхъ народовъ, т. е. познакомить въ возможно сжатой формѣ съ мудростію народовъ, со всѣмъ тѣмъ, что было сказано лучшаго на иностранныхъ языкахъ, а съ другой стороны — указать на пословичныя выраженія и другія отдѣльныя слова (употребляемыя, какъ иногда и пословицы, иносказательно), чтобы разобраться въ источникахъ и дѣйствительномъ значеніи ихъ, и такимъ образомъ дать начало составленію руководства къ ознакомленію съ нашей собственной фразеологіей.

Такой сборникъ долженъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и справочной книгой не только для желающаго учиться, но и для знающаго, но иное забывшаго и желающаго возобновить забытое въ памяти своей; этотъ сборникъ необходимъ для всякаго вдумчиваго читателя вообще, для всякаго образованнаго человѣка, для всякаго интересующагося знаніемъ родной литературы и изученіемъ родного языка.

Въ самомъ дѣлѣ, еще въ древнѣйшія времена, кромѣ обычнаго выраженія своихъ мыслей, люди, употребляя всякое слово въ прямомъ его, всѣми понимаемомъ и принятомъ значеніи, нерѣдко выражали ту или другую мысль обиняками, намеками, цитатами или пословицами, по смыслу своему имѣющими косвенное отношеніе къ высказываемой мысли, напоминающими авторитетныя изреченія или историческое событіе, или же вѣрность которыхъ подтверждается обычаями даннаго времени. Отъ пословицъ перешли къ пословичнымъ выраженіямъ, употребляемымъ также не въ прямомъ смыслѣ, а въ смыслѣ переносномъ, фигуральномъ, тропическомъ, т. е. какъ бы по общему соглашенію, и въ формѣ стереотипной и общепринятой. Эти выраженія, однако, несмотря на ихъ общеупотребительность, приводимыя въ видѣ намека или

аллегоріи, не всегда ясно понимаемыя, невольно заставляютъ задуматься всякаго, кто захотѣлъ бы узнать, откуда они взялись и получили то или другое значеніе. Это тѣмъ болѣе важно, что всѣ эти выраженія непремѣнно обязаны началомъ своимъ особеннымъ традиціямъ, разнымъ событіямъ, намекамъ на народные обычаи и другимъ житейскимъ условіямъ. Освѣщеніе истиннаго смысла этихъ словъ не только любопытно, но и необходимо для сознательнаго чтенія и даетъ любознательному читателю много цѣннаго во всѣхъ отношеніяхъ образовательнаго матеріала, какъ по изученію литературы своей и всеобщей, такъ и по языковѣдѣнію.

Высказавшись по поводу цѣли, преслѣдуемой авторомъ Сборника, намъ необходимо коснуться выполненія принятой на себя авторомъ задачи.

Приступая къ обозрѣнію сборника г. Михельсона, озаглавленнаго «Опытъ русской фразеологіи. Русская мысль и рѣчь (наше и чужое)», необходимо сказать нѣсколько словъ о разнаго рода сборникахъ пословицъ, до сихъ поръ появившихся, о характерѣ и задачахъ ихъ. Мы приведемъ лишь тѣ труды, на которые ссылается самъ авторъ, и преимущественно труды болѣе новые, хотя у г. Михельсона и нѣтъ недостатка въ цитатахъ на книги болѣе раннія, напр. на извѣстный сборникъ древнихъ пареміографовъ фонъ-Лейча и Шнейдевина. Изъ болѣе новыхъ упомянемъ извѣстный трудъ Эразма Роттердамскаго подъ заглавіемъ «Adagiorum chiliades quatuor cum sesquicenturia complectens, ex postrema ipsius autoris recognitione accuratissima, quibus non est quod quicquam imposterum vereare accessurum». Далѣе, оставляя въ сторонѣ многочисленныхъ послѣдователей Эразма, мы приведемъ трудъ Büchmann'a, появившійся въ 1864 году, подъ заглавіемъ «Geflügelte Worte» (Крылатыя слова) — собраніе (преимущественно нѣмецкихъ) цитатъ нѣмецкихъ писателей и ходячихъ выраженій, съ указаніемъ (иногда предполагаемаго) первоисточника ихъ. Сюда на этомъ основаніи внесены слова «телеграмма» и «телескопъ», такъ какъ извѣстно, что первое

слово впервые употребилъ Смитъ, а второе — Демисціанъ (1608 года). Такихъ словъ очень много. Есть у Бюхманна также нѣсколько англійскихъ и французскихъ, около 20 итальянскихъ, съ десятокъ испанскихъ, одно русское (нигилизмъ) и сотъ пять латинскихъ и греческихъ крылатыхъ словъ. Интересна замѣтка къ предисловію, въ которой Бюхманнъ благодаритъ своихъ сотрудниковъ, въ числѣ 600 корреспондентовъ. Трудъ Бюхманна встрѣченъ былъ публикою весьма сочувственно, и въ короткое время выдержалъ много изданій; ему нашъ авторъ многимъ обязанъ, и не разъ пользуется имъ. Еще ранѣе Бюхманна появилась книга Fournier (1855 годъ) «L'ésprit des autres» — цитаты французскихъ и латинскихъ ходячихъ словъ. Эта книга тоже была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ и выдержала не одно изданіе. Затѣмъ г. Михельсономъ приводятся ссылки еще на слѣдующіе труды: на книги «Proverbes français» Le-Roux de Lincy (1842 годъ), пословицы французскія, начиная съ XII вѣка, Körte: «Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten der Deutschen» (1837 г.), A. Otto: «Sprüchwörter und sprüchwörtliche Redensarten der Römer» (1890 г.), Dukes «Rabbinische Blumenlese (Hebräische und Chaldäische Sprüche Talmud's» (1844), «Sprichwörter und Sinnreden des deutschen Volkes im alter und neuer Zeit» (1838), Simrock «Sprichwörtersammlung» (1846 г.), Höfer «Wie das Volk spricht» (1855), Binder «Sprichwörterschatz der deutschen Nation» (1873 г.), Decourdemanche «Mille et un proverbes turcs» (1878) — турецкія пословицы во французскомъ переводѣ, Giusti «Raccolta di proverbi Toscani» (1853 г.), Pernis «Proverbes chinois» (1869 г.), Mera «Türkische Sprichwörter» (1877 г.), Wunder «Deutsches Sprichwörterlexicon» (1867 — 1880 г.), Kurz «Die Sprichwörter Sammlung des Plaudes» (1886 г.), «Dictionnaire etymologique, historique et anecdotique des proverbes et des locutions proverbiales» (1850 г.), Albrecht «Redensarten und Sprichwörter in vier Sprachen: deutsch, französisch, englisch, italienisch» (1864 г.). Quitard «Dictionnaire etymologique, historique et anecdotique

des proverbes» (1842 г.), Lewin «Aramäische Sprichwörter und Volkssprüche» (1895 г.), Schaible «Deutsche Stich- und Hiebworte» (1879 г.) — ругательства, заклинанія, проклятія. James Wood, «Dictionnary of Quotations» (1899), Krumbacher «Mittelgriechische Sprichwörter».

Съ легкой руки Бюхманна не замедлили появиться разныя ему подражанія, болѣе или менѣе неудовлетворительныя, напр. въ Голландіи — «Gevleugelde Worden» (1871), въ Даніи книга Оскара Орланда (1878), въ Швеціи, и т. д. Затѣмъ г. Михельсону извѣстны труды Wurzbach'a — «Historische Wörter», Friend'a «Lexicon deutschen und fremdsprachlichen Citate», Hertslet «Treppenwitz der Weltgeschichte» разъясненія и поправки къ такъ называемымъ историческимъ анекдотамъ. Hans Nehry «Citatenschatz. Sprichwörter und sentenzen» (съ объясненіями), Zenschner «Internationales Citatenschatz — Sprichwörter und Sentenzen», Egon Berg «Das Buch der Bücher» и многія другія, которыя заключаютъ въ себѣ не только цитаты, но и пословицы, и пословичныя выраженія. Англичане и французы также не остались безъ подражателей: появились у нихъ сочиненія: Bartlett'a («Familiar Quotations», 1889 г.) — книга цитатъ изъ сочиненій выдающихся англійскихъ писателей въ прозѣ и стихахъ, съ точнымъ указаніемъ автора, сочиненія, части и главы; Затѣмъ въ Оксфордѣ явилась книга King'a «Classikal and foreign quotations» — цитаты на нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, португальскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, съ переводомъ ихъ на англійскій языкъ. На французскомъ языкѣ въ 1892 году вышелъ сборникъ: «Le Musée de la conversation», принадлежащій Roger Alexandre; въ немъ содержатся французскія цитаты и новыя поговорки, извлеченныя изъ французскихъ авторовъ; въ 1895 году вышла на итальянскомъ языкѣ книга Fumagalli подъ заглавіемъ «Chi l'ha detto?», заключающая въ себѣ 1575 цитатъ и фразъ на итальянскомъ, французскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ съ объясненіями, а также книга Tico Luri di Vassano: «Modi di dire pro-

verbiali». Не осталась безъ сочиненій подобнаго рода и литература польская; въ ней появился трудъ: «Księga przysłów, przypowieści i wyrażéń przysłowiowych polskich» (1889 г.).

Во всеоружіи этихъ пособій, изученныхъ имъ съ большимъ вниманіемъ, приступилъ г. Михельсонъ къ новому изданію своего труда. Для него онъ проштудировалъ массу русскихъ авторовъ, начиная съ древнѣйшихъ, напр. съ лѣтописей и Слова о Полку Игоревѣ, до новѣйшихъ, напр. А. Чехова и М. Горькаго. Что особенно пріятно въ трудѣ г. Михельсона — это то, что авторъ по мѣрѣ разрастанія своего труда все болѣе и болѣе совершенствовалъ точность своихъ цитатъ и ссылокъ; у него уже не встрѣчаются, какъ было ранѣе, голословныя указанія на того или другого писателя, но цитаты его всюду сопровождаются точными указаніями на сочиненіе и, по возможности, на страницу.

Одинъ перечень того, что прочитано, изучено авторомъ, возбуждаетъ удивленіе: изумляешься тому, какъ могъ и успѣлъ почтенный составитель не только просмотрѣть, но даже и основательно изучить громадное множество приводимыхъ имъ писателей, въ числѣ которыхъ, для примѣра, приведемъ слѣдующихъ: Аксаковы, Баратынскій, Батюшковъ, Боборыкинъ, Бѣлинскій, Вейнбергъ, кн. Вяземскій, Глинка, Гоголь, гр. Голенищевъ-Кутузовъ, Гончаровъ, Горькій, Градовскій (Г. К.), Гречъ, Грибоѣдовъ, Григоровичъ, Давыдовъ (Денисъ), Даль, Данилевскій, Державинъ, Дмитріевъ, кн. Долгорукій, Достоевскій, Дружининъ, Ершовъ, Жадовская, Жуковскій, Загоскинъ, К. Р., Кантемиръ, Карамзинъ, Каратыгинъ, Конп, Конисскій, Кохановская, Крестовскій, Крыловъ, Лажечниковъ, Ленскій, Лермонтовъ, Лѣсковъ, Макаровъ, Маркевичъ, Марлинскій, Майковъ, Мельниковъ, Мерзляковъ, Мей, Миллеръ (Ѳ. Б.), Минаевъ, Надеждинъ, Надсонъ, Нарѣжный, Некрасовъ, Немировичъ-Данченко, Никитинъ, Ободовскій, кн. Одоевскій, Островскій, Павлова (Каролина), Павловъ (Н. Ф.), Писаревъ, Писемскій, Плетневъ, Плещеевъ, Погорѣльскій, Погосскій, Полежаевъ, Полонскій, Потапенко, Пушкинъ (А. С.), Пушкинъ (В. Л.), Розенгеймъ, Салты-

ковъ, Станюковичъ, Суворинъ, Успенскій, Фетъ, Хмельницкій, Хомяковъ, Щербина, Языковъ, и т. д., и т. д.

Но кромѣ вышеприведенныхъ авторовъ, списокъ которыхъ не претендуетъ на абсолютную полноту, въ рукописи г. Михельсона, въ отдѣлахъ, долженствующихъ быть напечатанными мелкимъ шрифтомъ, содержится еще необозримая масса указаній на литературы иностранныя; изъ указаній этихъ отмѣтимъ множество цитатъ изъ Священнаго Писанія, изъ писателей древнихъ, классическихъ, цитатъ, разъясняющихъ русскія фразы и выраженія и, въ свою очередь, ими разъясняемыхъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и выраженія, заимствованныя авторомъ изъ сборниковъ поговорокъ народовъ внѣевропейскихъ, напр. поговорокъ китайскихъ, турецкихъ, еврейскихъ, арамейскихъ и т. д.,

Само собою разумѣется, что при такой широкой задачѣ, какъ та, которую поставилъ себѣ г. Михельсонъ, въ его сборникѣ не все отдѣлано съ должнымъ вниманіемъ и акрибіей, и не удивительно, что въ его книгѣ попадаются мѣста (правда сравнительно немногія), съ которыми читатель долженъ не согласиться: не всегда дается точный переводъ цитуемыхъ авторовъ; съ нѣкоторыми, преимущественно греческими, этимологіями можно спорить; мы позволяемъ себѣ не приводить списка этихъ мѣстъ, въ виду какъ ихъ сравнительной малочисленности, такъ и того, что, при печатаніи рукописи, авторъ легко можетъ устранить спорныя мѣста.

Трудъ Г. Михельсона такимъ образомъ оказывается настоящимъ источникомъ для справокъ всякому, желающему ознакомиться съ тѣмъ или другимъ русскимъ образнымъ выраженіемъ. Этому значительно помогаетъ почтенный авторъ, щедрою рукою приводящій различнаго рода припоминанія, анекдоты, объясняющіе то или иное выраженіе, пріобрѣтшее у насъ впослѣдствіи право гражданства. Мы бы значительно отвлеклись отъ нашей задачи, если бы захотѣли привести хоть часть этихъ экскурсовъ, въ обиліи встрѣчающихся въ трудѣ г. Михельсона, но не мо-

жемъ удержаться отъ того, чтобы не указать на одинъ — два примѣра.

Хотя бы на стр. 387, сообщая о выраженіи «свѣтлыя личности», «темныя личности», авторъ говоритъ: «Рейхлинъ въ 1514 году издалъ свою переписку съ знаменитыми людьми (Epistolae clarorum virorum); затѣмъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и другіе друзья Рейхлина издали между 1515 и 1517 годами «Epistolae obscurorum virorum». На это паписты, противники Рейхлина, издали въ 1518 году «Lamentationes obscurorum virorum, non prohibitae per sedem Apostolicam». Отсюда слово: «Dunkelmäner», «viri obscuri» (собственно «неизвѣстные люди», въ противность «clari viri» — «свѣтлыя личности») — въ XIX вѣкѣ получило значеніе «темной личности», обскуранга», «врага просвѣщенія».

Или (стр. 397): «Выраженіе «Bluestocking» перешло въ другіе языки изъ Англіи — для обозначенія женщинъ, предавшихся исключительно наукамъ и писательству, которыя, посясь съ своей педантическою ученостью, пренебрегаютъ всѣми другими качествами и обязанностями женщины и даже матери. Около 1760 года образовалось общество изъ лицъ обоего пола, собиравшихся для научныхъ возвышенныхъ бесѣдъ. Названіе «Собраніе синихъ чулковъ» придумалъ голландскій адмиралъ Боскавенъ потому, что тамъ участвовалъ отличавшійся своимъ умомъ извѣстный ученый Стиллингфлитъ (Stillingfleet. † 1771), явившійся однажды въ синихъ чулкахъ. По другимъ источникамъ, между женщинами особенно тамъ отличалась нѣкая Стиллингфлитъ, которую называли «blue stocking» потому, что она носила синіе чулки. Въ числѣ учредительницъ этихъ собраній называютъ Lady Montague и госпожъ Vesly и Ord».

Или же, стр. 413, гдѣ рѣчь идетъ о выраженіи «собаку съѣсть»: «О началѣ употребленія собачьяго мяса повѣствуетъ греческій писатель Порфирій († 305 по Р. Хр.) слѣдующее: однажды, во время жертвоприношенія собаки, кусокъ мяса упалъ съ огня на землю. Жрецъ, подымая съ земли кусокъ, обжегъ себѣ пальцы и, по обычному въ такомъ случаѣ невольному дви-

женію, сунулъ пальцы въ ротъ, и тутъ же обратилъ вниманіе на пріятный вкусъ сока, попавшаго ему на языкъ. По окончаніи церемоніи онъ съѣлъ половину собаки, а другую отнесъ къ женѣ, и такимъ образомъ они продолжали, послѣ каждаго жертвоприношенія, наслаждаться собачиной. Вскорѣ по городу пронесся слухъ объ этомъ удачномъ открытіи; всякій желалъ попробовать вкусное блюдо, и собачина вошла во всеобщее употребленіе. Сперва употребляли только мясо щенятъ, а потомъ дошли и до крупныхъ собакъ».

Или-же, наконецъ, стр. 320, по поводу выраженія «подкузьмить»: «Въ договорахъ между капиталомъ и трудомъ въ Россіи играетъ большую роль срокъ отъ начала весны до Кузьминокъ (Козьмы и Демьяна 1-е ноября — время окончательныхъ расчетовъ между работодателемъ и работникомъ). Тутъ то окончательно выясняется честное или нечестное отношеніе къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей; въ послѣднемъ случаѣ употребляется выраженіе подкузьмить».

Можно бы привести не одну сотню интересныхъ примѣровъ объясненій г. Михельсона. Изъ примѣровъ этихъ оказывается, что авторъ принялъ во вниманіе массу разнообразнѣйшихъ данныхъ для выясненія того или другого образнаго выраженія, освѣщающаго извѣстное изреченіе. Г. Михельсонъ черпаетъ эти свои указанія и разъясненія изъ самыхъ различныхъ областей вѣдѣнія; то филологическія, то историческія, то бытовыя данныя проходятъ у него въ неисчерпаемой преемственности и созидаютъ изъ его труда вещь въ высшей степени почтенную и интересную.

Многое даже у нашего автора является приводимымъ въ первый разъ, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть несомнѣнную заслугу г. Михельсона. Вообще, сравнивая его трудъ съ тѣмъ, что было въ нашей литературѣ раньше, до него, обязываемся отмѣтить, что изъ предшественниковъ г. Михельсона никто не ставилъ вопроса о русскихъ пословицахъ, поговоркахъ и образныхъ выраженіяхъ такъ широко и не освѣщалъ его такъ всесторонне; больше того, трудъ его является внѣ всякаго сомнѣнія болѣе

разностороннимъ и глубокимъ, чѣмъ все то, что существуетъ ему подобнаго и въ иностранныхъ литературахъ.

До г. Михельсона въ нашей родной литературѣ были извѣстны лишь немногія книги по избранной авторомъ темѣ, книги, коими онъ въ необходимыхъ случаяхъ воспользовался; таковы напр. труды Снегирева, Даля («Русскія пословицы») и нѣкоторые другіе. Въ послѣднее время, появленіе нѣмецкой книги Бюхманна, указанной нами выше, не осталось и въ русской литературѣ безъ подражателей: въ 1883 году вышло сочиненіе Рѣдникова подъ заглавіемъ: «Сборникъ замѣчательныхъ изреченій»; это — собственно говоря не что иное, какъ сокращенный переводъ Бюхманна, съ прибавкою нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ русскихъ цитатъ. Вслѣдъ затѣмъ появились фельетоны С. В. Максимова, сперва въ газетѣ «Новости», а затѣмъ, въ видѣ продолженія — въ «Новомъ Времени»: это — интересные разсказы автора «Года на сѣверѣ» по поводу употреблявшихся и нынѣ еще употребляемыхъ пословицъ и ходячихъ словъ, иногда самыхъ обыкновенныхъ, обыденныхъ; всего разъяснено около 120 словъ и выраженій, при чемъ однако же иногда авторъ вноситъ въ свои замѣтки и такія крылатыя (?) слова, какъ «пока́», «пота́» и нѣкоторыя другія, имъ подобныя. Затѣмъ отмѣтимъ сборникъ Макарова: «Энциклопедія ума или словарь избранныхъ мыслей авторовъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ». Мысли эти приведены не въ подлинникѣ, а въ переводѣ на русскій языкъ и указываются лишь авторы, но не ихъ сочиненія. Книга Макарова вышла въ свѣтъ въ 1878 году, а въ 1884 году появилась подобная же книга Мартынова: «Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей». Это — собраніе изреченій иностранныхъ писателей (въ русскихъ переводахъ) и русскихъ людей, собраніе не отличающееся достаточной полнотой. Затѣмъ необходимо отмѣтить еще книгу Бражникова «Идеи русскихъ писателей XIX вѣка». Тутъ указаны авторы и сочиненія, но безъ обозначенія страницъ ихъ изданій, что крайне затрудняетъ отысканіе мѣстъ для желающихъ точныхъ указаній.

Наконецъ въ 1897 году, уже послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія книги г. Михельсона, въ Кіевѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ: «Литературные первоисточники и прототипы 300 русскихъ пословицъ и поговорокъ» Тимошенка. Трудъ этотъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Академіи Наукъ, которая признала его заслуживающимъ поощренія, хотя рецензентъ отмѣтилъ въ книгѣ г. Томошенка не мало недостатковъ.

Какъ видно, предшественниковъ у Г. Михельсона въ русской литературѣ было немного и всѣ они не могутъ быть названы безусловно доброкачественными; тѣмъ въ большую заслугу слѣдуетъ вмѣнить почтенному автору его колоссальный трудъ; безъ преувеличенья можно сказать, что изумительна энергія автора, не убоявшагося громады труда и подарившаго русской публикѣ такую справочную книгу, которая, по ея отпечатаніи, послужитъ для всѣхъ, интересующихся образностью русской рѣчи, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ можно будетъ строить дальнѣйшіе выводы.

Равнымъ образомъ нельзя оставить безъ упоминанія и еще одно важное значеніе для насъ книги г. Михельсона. Объясняя всѣ русскія иносказанія, разбросанныя и трудно потому находимыя въ русскихъ словаряхъ, онъ даетъ возможность иностраннымъ переводчикамъ избѣгать тѣхъ, нерѣдко искажающихъ смыслъ текста, неправильностей, которыми отличаются ихъ переводы по незнакомству ихъ съ истиннымъ значеніемъ русскихъ иносказаній (Эта сторона труда г. Михельсона, впрочемъ, уже отмѣчена была въ иностранныхъ рецензіяхъ послѣ выхода въ свѣтъ 2-го изданія его «Ходячихъ и мѣткихъ словъ»). Кромѣ того, указанія на этимологическое происхожденіе многихъ русскихъ и всѣхъ иностранныхъ, получившихъ у насъ право гражданства, словъ даетъ богатый матеріалъ для будущаго этимологическаго словаря русскаго языка.

Посему я полагалъ бы, что рукопись труда г. Михельсона, какъ работа громадная, свидѣтельствующая о неустанномъ трудолюбіи и работоспособности автора и могущая служить необ-

ходимымъ пособіемъ для изученія русскаго языка и для научной его разработки, вполнѣ заслуживаетъ поощренія полною преміей Митрополита Макарія.

И. Помяловскій.

15 апрѣля 1901 г.

II.

Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть I (1 — 425). Часть 2 (1 — 209). Сочиненіе **В. Перетца.** С. П. Б. 1900.

Сочиненіе г. Перетца имѣетъ нѣсколько заглавій — общее, разсчитанное на нѣсколько томовъ «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы», и частное, обнимающее I томъ «Изъ исторіи русской пѣсни». Этотъ I томъ распадается на двѣ части — каждая въ отдѣльной книгѣ. Во второй части помѣщены матеріалы подъ общимъ заглавіемъ «Приложенія» и частнымъ заглавіемъ «Описаніе сборниковъ псальмъ, кантовъ и пѣсенъ. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Малороссійскія пѣсни изъ рукописей XVIII в. Указатели». Но и первая часть не освобождена отъ матеріаловъ, переполняющихъ по крайней мѣрѣ третью часть страницъ первой книги. Отличіе ея отъ второй части въ томъ, что въ ней есть и изслѣдованія. Главныя темы этихъ изслѣдованій указаны на обложкѣ первой книги: «Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI — XVIII в. на великорусскую. Къ исторіи Богогласника». Такимъ образомъ мы имѣемъ уже третье заглавіе разсматриваемаго нами сочиненія. Каждое изъ двухъ послѣднихъ заглавій, ограничивая объемъ предыдущаго, постепенно приближаетъ насъ къ содержанію «историко-литературныхъ изслѣдованій», которое обозначается въ подробномъ

оглавленіи, какъ первой, такъ и второй части. Уже по этимъ заглавіямъ можно судить о сложномъ составѣ самаго сочиненія, который объясняется до нѣкоторой степени изобиліемъ и сложностію матеріала, привлеченнаго для изученія русской пѣсни, поэтому сочиненіе г. Перетца производитъ впечатлѣніе зданія, съ котораго не сняты еще лѣса. Нужно сказать, впрочемъ, что и самое зданіе это перестроено изъ прежнихъ работъ автора, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ за 1899 годъ подъ заглавіемъ: «Малорусскія вирши и пѣсни въ XVI — XVIII вѣкахъ» (томъ IV, книжки 3 и 4). Это простое и ясное заглавіе превратилось въ тройное. Въ самомъ сочиненіи многое осталось въ томъ же видѣ, какъ было прежде, но многое расширено новыми вставками, а главное — всѣ части прежней работы переставлены одна на мѣсто другой съ тою цѣлію, чтобы сообщить всему зданію историческій фасадъ. Такъ получилось одно изъ заглавій его: «Изъ исторіи русской пѣсни». Какой пѣсни — искусственной или народной, малорусской или великорусской? Это видно отчасти изъ третьяго заглавія, а еще яснѣе изъ оглавленія къ первой части сочиненія.

Оглавленію предшествуетъ предисловіе, въ которомъ авторъ устанавливаетъ методъ изслѣдованія народной пѣсни. Выходя изъ того убѣжденія, что «въ массѣ случаевъ простонародное первоначально было продуктомъ творчества болѣе культурныхъ высшихъ слоевъ», онъ пришелъ къ заключенію, что «и для народной пѣсни мы должны искать основъ въ старинной русской искусственной поэзіи: этотъ источникъ *одинъ*, по словамъ автора, можетъ намъ раскрыть тайну развитія одного изъ интереснѣйшихъ явленій. Этимъ источникомъ является старинная виршевая литература, зародившаяся на юго-западѣ Россіи, вѣроятно, уже въ половинѣ XVI вѣка».

Методъ, повидимому, ясный и опредѣленный, но можно ли принять его безъ ограниченій?

Условимся прежде всего въ томъ, что нужно разумѣть подъ словомъ «первоначально». Намъ кажется, что въ эволюціи поэти-

ческаго творчества можно говорить только о чередованіи моментовъ, изъ которыхъ ни одинъ въ процессѣ совершающихся измѣненій не имѣетъ значенія абсолютно-первоначальнаго. Внося это дополнительное замѣчаніе въ слова автора, мы устраняемъ односторонность мнѣнія его о «старинной русской искусственной поэзіи» и утверждаемъ, что не въ ней одной нужно искать «основъ» для народной пѣсни, которая, во всякомъ случаѣ, древнѣе виршевой поэзіи, зародившейся не раньше половины XVI вѣка. Ужъ если говорить объ основахъ народной пѣсни, то нужно имѣть въ виду не одинъ только привходящій позднѣйшій элементъ ея, но и взаимодѣйствіе этого элемента съ предшествующими: въ противномъ случаѣ мы не получимъ настоящей исторической перспективы, обязательной во всякомъ историческомъ изслѣдованіи. Ничѣмъ инымъ, какъ недостаткомъ этой перспективы, мы объясняемъ преувеличенное представленіе автора о значеніи поэтическаго творчества «болѣе культурныхъ высшихъ классовъ». Мы понимаемъ, что эти классы скорѣе и легче воспринимаютъ чужую культуру, но независимо отъ мѣстной культуры ничего оригинальнаго создать они не могутъ — ничего такого, что, захвативъ народныя массы, съ теченіемъ времени сдѣлалось бы простонароднымъ. Намъ припоминается наша христіанская культура въ византійской редакціи при самомъ появленіи ея на Руси. На сторонѣ этой культуры, какъ извѣстно, были верхніе слои общества, преимущественно городского, на сторонѣ язычества — народъ, преимущественно сельскій, который, по свидѣтельству Іакова черноризца, думалъ, что только боярамъ и князьямъ подобаетъ вѣнчаться по церковному обычаю, а простому народу достаточно брать своихъ женъ «съ плясаніемъ, и гудѣніемъ, и плесканіемъ», т. е. по стариннымъ языческимъ обычаямъ. Представители христіанства увлекались «почитаніемъ книжнымъ», которое разширяло кругъ ихъ зрѣнія, сообщая имъ готовый запасъ свѣдѣній о разныхъ странахъ и народахъ, о разныхъ новыхъ формахъ и порядкахъ общежитія. Представители язычества увлекались очарованіемъ родной поэзіи, которою проникнута была

вся обстановка жизни ихъ до мельчайшихъ подробностей. Это были два враждебныя и, повидимому, непримиримыя міровоззрѣнія. «Многіе ся лѣнять и злѣ живуть», говоритъ одинъ ревнитель новой вѣры, «якоже имянъ не вѣдати чтомыхъ книгъ, тоже и срамѣються тѣмъ, но аще плясци іли гудци іли инъ хто позоветъ на игрище іли зборище идольское, то вси тамо текутъ радуяся.»[1]) Прогрессъ жизни и мысли заключался не въ томъ, чтобы люди новыхъ вѣяній отдѣлились отъ всенародныхъ поэтическихъ настроеній, связанныхъ съ язычествомъ, а въ томъ, чтобы они нашли въ этихъ настроеніяхъ примиряющіе и одушевляющіе тоны. И это въ самомъ дѣлѣ такъ было, — иначе мы не имѣли бы дружиннаго эпоса, который съ теченіемъ времени сдѣлался достояніемъ простонароднымъ. Тотъ же процессъ наблюдать можно и въ эпоху просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго и его послѣдователей, когда водворились у насъ литературныя формы поэзіи, выработанныя европейскими народами. Рядомъ съ этимъ внѣшнимъ заноснымъ теченіемъ шли теченія внутреннія и болѣе глубокія. Представителемъ этихъ послѣднихъ теченій былъ народъ съ его старинною культурою. Въ составъ этой культуры входило, какъ извѣстно, и юго-западное просвѣщеніе съ его литературными навыками и вкусами, съ его псальмами и кантами. Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ тотъ же обмѣнъ культурныхъ вліяній, какъ и въ древней Руси, а не одни только «продукты творчества болѣе культурныхъ высшихъ классовъ».

Высказываемъ всѣ эти положенія не потому, что они неизвѣстны самому автору, а потому, что они отчасти упущены имъ изъ виду, что видно изъ предисловія къ его «историко-литературнымъ» изслѣдованіямъ, отчасти недостаточно аргументированы, какъ увидимъ ниже въ самихъ изслѣдованіяхъ.

---

1) Паисіевъ сборникъ XIV в.

Авторъ начинаетъ свой трудъ обзоромъ теоретическихъ воззрѣній на стихотворство, появившихся въ южной Руси въ концѣ XVI в. Въ I главѣ онъ дѣлаетъ изобильныя выписки изъ грамматикъ — львовской 1591 г., Лаврентія Зизанія 1596 г., Мелетія Смотрицкаго 1619 г. и виленской 1621 г., трактующихъ о стихосложеніи, а во II главѣ указываетъ на вѣроятные источники статьи о стихосложеніи въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго. Повидимому, всѣ эти грамматики имѣли въ виду устранить вліяніе польскаго силлабическаго стиха, обнаружившееся въ юго-западныхъ русскихъ стихотворныхъ опытахъ, появившихся десятью годами раньше появленія львовской грамматики, извѣстной подъ названіемъ Ἀδελφότης. Весьма можетъ быть, какъ догадывается авторъ, что эти стремленія вытекали не изъ сознанія недостатковъ силлабическаго стихосложенія, а изъ вѣроисповѣдныхъ побужденій или, лучше сказать, изъ убѣжденія въ превосходствѣ греческой науки предъ латинскою. Какъ бы то ни было, только попытки юго-западныхъ грамматистовъ потерпѣли полнѣйшую неудачу; нельзя сказать, чтобы сами они владѣли, какъ слѣдуетъ, силлабическимъ стихомъ, что видно изъ примѣровъ, приведенныхъ г. Перетцемъ изъ названныхъ выше грамматикъ, — тѣмъ не менѣе метрическая система не могла привиться на русской почвѣ за отсутствіемъ долготы и краткости гласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Гораздо болѣе юго-западнымъ писателямъ пришлась по вкусу силлабическая система, такъ такъ въ ней больше было точекъ соприкосновенія съ тоническимъ народнымъ стихомъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается главная причина успѣховъ ея въ старинной южнорусской литературѣ, а не въ томъ, какъ думаетъ авторъ, что большинство писателей, не желая поддаться вліянію простонародной поэзіи, предпочло силлабическую «готовую форму». (36).

Въ III главѣ авторъ знакомитъ насъ съ школьной теоріей польскаго стихосложенія по латино-польскимъ учебникамъ XVII и начала XVIII в. Оказывается, что эта теорія привлекала юго-западныхъ писателей сравнительной широтой своихъ воззрѣній

на поэзію, которая въ польско-латинскихъ учебникахъ трактуется по существу: рѣчь идетъ въ нихъ о поэтическомъ вымыслѣ, о родахъ и видахъ поэтическихъ произведеній, тогда какъ въ юго-западныхъ грамматикахъ излагаются только правила стихосложенія. Авторъ пользовался позднѣйшими учебниками конца XVII и начала XVIII в., и притомъ преподанными въ польскихъ коллегіяхъ — познанской, ярославской — іезуитской, радомской и проч. Изъ этихъ источниковъ, говоритъ онъ, «малорусская молодежь могла получать свѣдѣнія о поэзіи и стихотворствѣ», — отсюда же «брала она готовыя правила для сложенія стиховъ «на польскомъ языкѣ». (58). Но отъ возможности до дѣйствительности разстояніе, какъ извѣстно, большое, а для научной точности были бы желательны указанія на такіе учебники піитики, которые бы относились къ самому началу юго-западнаго стихотворства, т. е. къ концу XVI и къ началу XVII в. Авторъ упоминаетъ о двухъ латинскихъ сочиненіяхъ подобнаго рода — Metrificale Marci de Oppathowicz первой половины XV вѣка и Ecchius'a De arte versificandi 1521 года, но въ этихъ сочиненіяхъ ничего нѣтъ о польскомъ стихосложеніи, которому несомнѣнно подражали юго-западные виршеслагатели. Мало того — и позднѣйшіе учебники, изъ которыхъ авторъ дѣлаетъ значительныя извлеченія, посвящены большею частію теоріи латинскаго стихосложенія. Такъ, въ Радомскомъ учебникѣ 1702 г. читаемъ: pes est pars versus certo syllaborum numero atque ordine definita, и затѣмъ идетъ исчисленіе двухсложныхъ, трехсложныхъ и даже четырехсложныхъ стопъ (56). Объ одномъ учебникѣ Aurifodina Poetica 1684 г. самъ авторъ замѣчаетъ, что въ немъ «нѣтъ ни слова о польскомъ стихосложеніи» (59); о другомъ — Bicollis Parnassus 1670 г. говоритъ, что въ немъ «нѣтъ ни одного слова объ основныхъ правилахъ польскаго стихосложенія» (16.) Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ мы нашли слѣдующее мѣсто, приведенное самимъ авторомъ: Lyrica poesis nec scanditur pedibus, sed syllabaram numero circumscribitur, ut et aliae poeses: genera autem lyrici carminis polonici sunt. (60). Авторъ сожалѣетъ, что онъ

не имѣлъ случая видѣть кіевскихъ учебниковъ, но считаемъ нужнымъ замѣтить прежде всего, что изъ кіевскихъ учебниковъ по піитикѣ XVII вѣка извѣстно всего восемь, да и то древнѣйшій изъ нихъ (Liber artis Poëticae) 1637 года, хранившійся въ кіево-софійской библіотекѣ, утерянъ. Впрочемъ, г. Перетцъ, принимая во вниманіе свѣдѣнія объ этихъ учебникахъ, сообщенныя Н. Петровымъ, находитъ, что въ нихъ, какъ и въ латино-польскихъ, «господствуетъ одно направленіе, однѣ и тѣ же идеи, даже опредѣленія и способъ выраженія порой тожественный». (58). Въ словахъ этихъ есть много правды. Такъ, въ одной кіевской піитикѣ 1685 г. (Fons Castalis — рукопись кіево-соф. библ. № 446) говорится, что «стихъ польскій не долженъ требовать особыхъ правилъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія преподаны о стихѣ латинскомъ».[1]) Замѣчаніе это вполнѣ совпадаетъ съ содержаніемъ латино-польскихъ учебниковъ, разсмотрѣнныхъ г. Перетцемъ. Только съ двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка кіевскіе учебники начинаютъ различать латинскіе стихи отъ польско-русскихъ, отмѣчая въ этихъ послѣднихъ количество слоговъ, а не стопъ. (Parnassus 1719 — 1722 годовъ, рукопись кіево-михайл. монаст. № 1721).[2]) И здѣсь — полное совпаденіе съ наблюденіями г. Перетца, который излагаетъ содержаніе сравнительно позднихъ учебниковъ (Introductio ad portam Apollineam 1723 г.), гдѣ являются уже довольно обстоятельныя правила польскаго стихосложенія (60 — 63). Имѣя въ виду всѣ эти данныя, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы современники Мелетія Смотрицкаго «брали готовыя правила для сложенія стиховъ на польскомъ (и славяно-русскомъ) языкѣ изъ латино-польскихъ учебниковъ», такъ какъ въ первой половинѣ XVII вѣка вовсе не было учебниковъ, трактующихъ о силлабическомъ стихосложеніи. Гораздо вѣроятнѣе, что русскіе виршеслагатели усваивали польскій силлабическій стихъ путемъ подражанія, — когда же въ южно-рус-

1) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіевской академіи Н. Петрова въ Трудахъ кіевс. духовной академіи 1866 г., іюль, 322.

2) Ibidem, 325.

скомъ просвѣщеніи греческое вліяніе смѣнилось латино-польскимъ, то представители его могли найти въ латинскомъ стихосложеніи, о которомъ рѣчь шла въ кіевскихъ учебникахъ піитики, многія черты, знакомыя имъ изъ польскихъ стихотвореній. Дѣло въ томъ, что само польское стихосложеніе развилось подъ вліяніемъ латинскаго, которое, какъ извѣстно, уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ вмѣстѣ съ паденіемъ долготы гласныхъ въ латинскомъ языкѣ утратило свою старинную метрическую основу и превратилось въ тоническое. Оно усвоило себѣ только внѣшнія формы образца своего — стихосложенія метрическаго безъ его сущности, поэтому и въ латино-польскихъ учебникахъ мы встрѣчаемъ ученіе о стопахъ, но, собственно говоря, держалось латинское стихосложеніе на равночисленности слоговъ въ каждомъ стихѣ, при чемъ удареніе занимало опредѣленное мѣсто, большею частію въ концѣ стиха, а многосложные стихи раздѣлялись цезурой, которая тоже отмѣчалась удареніемъ. Вотъ эта равночисленность гласныхъ и составляетъ ту главную особенность польскаго стихосложенія, которую преподаватели піитики въ юго-западныхъ школахъ видѣли и въ латинскомъ стихосложеніи. Изучая это стихосложеніе, они получали свѣдѣнія и о другихъ особенностяхъ средневѣкового латинскаго стиха, перешедшихъ въ силлабическій польскій стихъ — о цезурѣ, строфѣ и, что въ особенности важно, о риѳмѣ, которая составляла необходимую принадлежность такъ называемаго леонинскаго латинскаго стиха. Такимъ образомъ въ теоріи латинскаго стихосложенія они находили научное оправданіе своихъ собственныхъ литературныхъ опытовъ, появившихся задолго до того времени, когда сложилась теорія польскаго стихосложенія.

Обращаясь затѣмъ къ эпохѣ греческихъ вліяній въ юго-западныхъ школахъ, мы не находимъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы убѣдиться, что онѣ знакомы были съ теоріей латинскаго, а тѣмъ болѣе польскаго стихосложенія, такъ какъ въ учебныхъ грамматикахъ того времени настойчиво проводится сложная и сбивчивая теорія стихосложенія, основанная на мнимой долготѣ

и краткости гласныхъ въ славянорусскомъ языкѣ. Для характеристики русскаго стихосложенія въ эту эпоху авторъ даетъ намъ матеріалъ въ IV главѣ своего труда подъ общимъ заглавіемъ: «Практическія примѣненія теоріи стихосложенія въ западнорусской литературѣ XVI — XVIII в.». Какой теоріи? Конечно, силлабической. Послѣ того, что было сказано нами о появленіи этой теоріи въ латино-польскихъ учебникахъ, глава эта представляется намъ анахронизмомъ, нарушающимъ историческую послѣдовательность.

Но послѣдуемъ за авторомъ.

Въ началѣ главы онъ припоминаетъ пѣсню о Штефанѣ воеводѣ, «записанную, какъ образецъ малорусской рѣчи, въ грамматикѣ чешскаго языка Яна Благослава, оконченной въ 1557 году». (65). Въ словахъ этихъ есть неточность. Пѣсня эта записана, какъ образецъ «словенскаго» нарѣчія, которое оказалось малорусскимъ. По мнѣнію Потебни, размѣръ ея донынѣ обыченъ въ малорусскихъ пѣсняхъ; нормальное число слоговъ въ стихѣ 12; обычное мѣсто отдыха (цезуры) посрединѣ стиха[1]). По поводу этихъ словъ г. Перетцъ замѣчаетъ: «Потебня считаетъ 12-сложный размѣръ пѣсни древнимъ, присущимъ народной пѣснѣ. Можетъ быть, эта ссылка на позднѣйшія малорусскія пѣсни не совсѣмъ убѣдительна, въ особенности въ виду нижеслѣдующихъ соображеній о возможности школьнаго польскаго вліянія». (65). Но во-1) Потебня вовсе не доказываетъ позднѣйшими малорусскими пѣснями древность 12-сложнаго размѣра, а утверждаетъ только, что этотъ размѣръ существовалъ уже въ XVI вѣкѣ; во-2) о какомъ польскомъ вліяніи рѣчь идетъ — о вліяніи на искусственную или народную поэзію, къ которой принадлежитъ и малорусская пѣсня XVI вѣка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ «нижеслѣдующихъ соображеніяхъ» автора.

Онъ приводитъ, по обыкновенію «полностію», древнѣйшія юго-западныя стихотворенія, изданныя въ Острогѣ: нѣкоторыя

1) Малорусская народная пѣсня по списку XVI в., 1877 г., стр. 12.

изъ нихъ, напр. «На гербъ князя Острожскаго» 1581 года, составлены Герасимомъ Смотрицкимъ, отцомъ знаменитаго Мелетія Смотрицкаго; другія же, напр. «Хронологія» 1581 года, составлены Андреемъ Рымшей. Въ первыхъ, говоритъ авторъ, «строгій размѣръ отсутствуетъ, строки неравносложны, и лишь риѳма придаетъ имъ видъ стиховъ», тогда какъ у Андрея Рымши «13-сложный размѣръ строго выдержанъ». «Сравнивая размѣръ Рымши съ тѣми образцами, которые даетъ современная имъ польская теорія и практика стихотворства, замѣчаемъ», говоритъ авторъ, «полное совпаденіе пріемовъ; сравнивая съ размѣрами народныхъ малорусскихъ пѣсенъ XVIII в. и современныхъ, находимъ также немало сходства» (77). Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія указаны двѣ такія пѣсни: «Ой джигуне, джигуне, який ти ледащо» и «Казавъ мені батько, щобъ я оженився». И въ другихъ стихотвореніяхъ Рымши, говоритъ авторъ, «мы видимъ тотъ же размѣръ, только гораздо болѣе выдержанный: съ теченіемъ времени авторъ лучше усвоилъ себѣ технику стиха, бывшаго новинкой въ юго-западной Руси». (72). А такъ какъ этотъ размѣръ оказался и въ народныхъ пѣсняхъ, то выходитъ, что творцы народныхъ пѣсенъ познакомились съ этой «новинкой» тогда же или немного позже того времени, какъ усвоилъ ее себѣ Рымша. Вотъ первое соображеніе г. Перетца, вытекающее изъ его хронологическихъ сопоставленій. Теперь ясно для насъ, почему онъ подозрительно относится къ 12- сложному размѣру старинной народной пѣсни, засвидѣтельствованному датой изъ XVI вѣка. Повидимому, онъ готовъ приписать и этотъ размѣръ «школьному польскому вліянію». Конечно, ограничиваясь простымъ счетомъ словъ въ стихахъ, легко найти сходство между народными пѣснями и виршами малорусскими, но это сходство вовсе не указываетъ, какъ думаетъ авторъ, «на *генетическую* зависимость между современной малорусской пѣсней и правильными силлабическими виршами XVI — XVII столѣтія». (81). Мы уже имѣли случай замѣтить раньше, что пѣсни древнѣе виршъ, поэтому и размѣръ народныхъ пѣсенъ нельзя выводить изъ

размѣра силлабическихъ виршъ. Пѣсня можетъ совпадать съ виршей количествомъ слоговъ въ стихѣ, но размѣръ пѣсни основанъ не на количествѣ слоговъ, которыхъ можетъ быть въ стихѣ то больше, то меньше, а на чередованіи синтактическихъ стопъ, отмѣченныхъ логическими или, лучше сказать, риторическими ударѐніями, при чемъ самое мѣсто ударѐнія въ стопѣ можетъ быть неодинаково. Синтактическая стопа можетъ совпадать съ цезурой, т. е. стихъ пѣсни можетъ дѣлиться, какъ стихъ вирши, на двѣ половины, но пѣсенная стопа — вовсе не цезура, и есть множество пѣсенъ, въ которыхъ стихи состоятъ болѣе чѣмъ изъ двухъ синтактическихъ стопъ. Наконецъ, размѣръ пѣсни находится въ большей или меньшей зависимости отъ напѣва, тогда какъ вирша не испытываетъ этой зависимости, такъ какъ она предназначалась большею частію для произношенія, а не для пѣнія. Всѣ эти установившіяся въ наукѣ данныя мы считаемъ нужнымъ напомнить для того, чтобы поставить вопросъ какъ разъ вопреки тому, что говоритъ г. Перетцъ о генетической зависимости пѣсеннаго размѣра отъ виршеваго: нельзя ли въ юго-западныхъ виршахъ замѣтить обратное вліяніе перваго на послѣдній?

«До половины XVII столѣтія», говоритъ г. Перетцъ, «въ малорусскомъ стихотворствѣ существуетъ рядомъ два вида стиховъ: первый — нѣчто въ родѣ риѳмованной прозы съ самыми незатѣйливыми риѳмами, преимущественно глагольными; второй — правильный 13, 12-сложный стихъ по образцу, продиктованному польской поэтикой (78). Чѣмъ болѣе приближаемся къ концу XVII вѣка, тѣмъ рѣже встрѣчаемъ неискусно составленныя неравносложныя вирши въ литературѣ, но эта манера переходитъ въ народъ, и если сравнить, то между формой малорусскихъ думъ и виршъ въ стилѣ Острожской библіи 1581 г. и «Перла» Транквилліона окажется сходство, указывающее на генетическую зависимость». (80 — 81).

По поводу этихъ словъ замѣтимъ прежде всего, что стихотворный матеріалъ второй половины XVII в. почти не затронутъ г. Перетцемъ ни въ 1, ни во 2 части его сочиненія. Позднѣйшая

вирша изъ старопечатныхъ изданій, помѣщенная въ этой послѣдней части, относится къ 1619 году, а затѣмъ онъ оперируетъ почти исключительно на виршевыхъ сборникахъ XVIII вѣка, при чемъ приводитъ немало виршъ, «неискусно составленныхъ», а если бы заглянулъ онъ въ монографію Костомарова «Богданъ Хмельницкій» т. III или же въ «Историческія пѣсни малорусскаго народа» Антоновича и Драгоманова т. II, то встрѣтилъ бы вирши второй половины XVII вѣка, искусно составленныя и въ то же время неравносложныя. Но дѣло не въ этомъ. Можно ли согласиться съ мыслію, что размѣръ думъ произошелъ изъ виршъ «неискусно составленныхъ» — только потому, что неравносложностію стиховъ онѣ представляютъ сходство съ думами?

За разъясненіемъ этого вопроса обратимся къ народнымъ пѣснямъ. Вотъ, напр., отрывокъ одной изъ нихъ:

Годі, мати, жалувати, годі, мати, годити,
Присіли мене дiти як, калиночку квiти.
Годі, мати, жалувати, було мене, мати, не віддавати,
Було мене маленькою дитиною під червоною калиною поховати.

Въ 1 стихѣ здѣсь 15 слоговъ, во 2 — 14, въ 3 — 19, въ 4 — 25. Просматривая (губ. т. V, 564), сборники народныхъ пѣсенъ, легко убѣдиться, что неравносложность стиховъ составляетъ обычную особенность ихъ. Выдѣляя глагольную риѳму, преобладающую въ думахъ, можно передѣлать приведенное выше четверостишіе въ отрывокъ изъ думы:

Годі, мати, жалувати, годі, мати, годити,
Присіли мене дiти, якъ калиночку квiти,
Годі, мати, жалувати,
Було мене, мати, не віддавати,
Було мене маленькою дитиною під червною калиною поховати.

Очевидно, размѣръ думъ есть явленіе органическое, вытекающее изъ глубины народнаго пѣснотворчества, а не изъ плохой техники силлабическаго стиха[1]). Понятно послѣ этого, откуда

1) Подробнѣе объ этомъ въ нашей книгѣ: Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, стр. 1 — 38.

возникла неравносложность стиховъ въ первыхъ опытахъ юго-западнаго силлабическаго стихотворства: составители этихъ стиховъ не могли справиться съ привычкой къ вольному размѣру народныхъ пѣсенъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые лучше владѣли силлабическимъ стихомъ, постоянно отклонялись отъ правильной постройки его подъ вліяніемъ подвижнаго ударенія, присущаго всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ. Это замѣтно въ особенности на цезурѣ тѣхъ стихотвореній, въ которыхъ слоги посчитаны правильно. Обыкновенно въ силлабическихъ стихахъ цезура занимаетъ опредѣленное мѣсто: такъ, въ 13-сложномъ стихѣ она оканчивается большею частію на седьмомъ слогѣ (7 + 6), при чемъ возможны, конечно, и иныя комбинаціи, но подъ условіемъ единообразнаго повторенія цезуры на одномъ и томъ же слогѣ во всемъ стихотвореніи. Вотъ это однообразіе рѣдко соблюдается въ славянорусскихъ силлабическихъ виршахъ. Цезура постоянно передвигается въ нихъ то вверхъ, то внизъ стиха, обнаруживая замѣтное тяготѣніе къ той функціи, которая исполняется въ народныхъ пѣсняхъ синтаксической стопой. Для образца приводимъ одну изъ такихъ виршъ, помѣщенныхъ во 2 части сочиненія г. Перетца. Вирша эта перепечатана имъ изъ старинной книги: «Лѣкарство на оспалый оумыселъ человѣчій», Острогъ, 1607 г. Озаглавлена она такъ:

«Прозьба чительникова о часъ».

Часе дорогій, часе не переплачоный,
Назбыть скупою вагою мнѣ оузычоный,
Быстрѣй надъ морскій корабль животъ мой провадишь,
Нѣгде для спочиненя з нами незавадишъ.
Власне якъ которые в днѣ корабля лежатъ,
Здается имъ, же въ немъ стоятъ, кгды найпрудше бѣжать,
Въ окомгненю мя провадишъ вѣк мой к старости,
А нѣ ся разбачити могоу въ той малости,
Пядію бо вѣмъ (а правдиве) змѣренный вѣкъ,
Давно пророкъ до Бога рекъ, маетъ человѣкъ.
Не смѣю тя откладати на вѣкъ потомный,
Бомъ тебѣ не певенъ, яко чловекъ оупомный,

Даруй ми то прочитати и оучинити,
Ощо бы мя тамъ южъ не могли обвинити,
Оузычъ до поправы живота якого дня,
Поки не згасла вѣкоу моего походня.
Если ми не сфолькгуетъ, певне мя стратиш
И южъ мя тамъ и тисячею лѣтъ не заплатиш.

Стихи эти 13-сложные, за исключеніемъ шестого и послѣднихъ двухъ. Судя по первымъ тремъ стихамъ, цезура должна была бы оканчиваться на пятомъ слогѣ (5 + 8), но въ нѣкоторыхъ стихахъ, начиная съ четвертаго, выдержать ее было бы невозможно, такъ какъ пятый слогъ приходится то въ срединѣ, то въ началѣ словъ, поэтому цезура перескакиваетъ на шестой, седьмой и даже восьмой слоги. Получаются такимъ образомъ стихи, состоящіе изъ двухъ неравныхъ полустишій, т. е. неравносложные. Правда, и эта подвижная цезура не всегда дѣлитъ стихъ на двѣ такія половины, которыя соотвѣтствовали бы тому, что называется синтактической стопой, но все-таки эти неравныя половины въ большей или меньшей степени къ ней приближаются. Наблюдая эти явленія, мы какъ бы присутствуемъ при столкновеніи народнаго ритма съ искусственнымъ. Дальнѣйшій шагъ по этому пути есть устраненіе цезуры и разширеніе синтактической стопы въ цѣлый стихъ — безотносительно къ тому, сколько заключается въ немъ слоговъ. Это и есть своеобразный размѣръ думъ, въ которомъ слились элементы народный и искусственный: дума любитъ риѳму, какъ и силлабическіе стихи, но эта риѳма совпадаетъ въ ней съ законченностію отдѣльныхъ моментовъ мысли, соотвѣтствующихъ синтактической стопѣ, которая составляетъ въ ней не часть стиха, но цѣлый стихъ.

Давно ли появился этотъ размѣръ?

Заслуга г. Перетца заключается въ томъ, что онъ указалъ на сходство между неравносложностію стиховъ въ виршахъ и думахъ. И мы готовы видѣть въ неравносложныхъ виршахъ безсознательный шагъ къ размѣру думъ, съ тѣмъ существеннымъ ограниченіемъ этой мысли, что шагъ этотъ сдѣланъ былъ по

причинамъ болѣе глубокимъ, чѣмъ то случайное обстоятельство, что первые виршеслагатели не вполнѣ овладѣли силлабическимъ стихомъ. Въ сущности немногіе изъ нихъ могли приковать подвижное русское удареніе къ силлабическимъ схемамъ по причинамъ, выше нами указаннымъ. Даже такой талантливый и опытный писатель, не сходившій съ литературнаго поприща въ теченіе 22 лѣтъ и, конечно, хорошо знакомый съ правильными силлабическими стихами польскими и славяно-русскими, какъ Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, повидимому, предпочиталъ неправильные стихи правильнымъ. Выписываемъ примѣры изъ разныхъ его сочиненій.

«На гербъ зацной фамилѣи Іоана Ярмолинского Константиновича»:

13. Фамилѣя Ярмолинъскихъ такъ есть славна
9. Дѣлностю справъ рыцеръскихъ здавна.
14. Трохъ муровъ проломаныхъ, знакомъ сут три оурембы,
16. Левского сердца не застращали крикливыи трембы,
6. Кръви розиляня
8. И огнистыхъ дѣлъ стрѣляня.

(«Зерцало Богословія», Почаевъ, 1618 г. См. Приложенія Перетца, 156).

«Епиграмма»:

20. Въ гелмѣ презацного дому господарско Еремей славныхъ Могиловъ
10. Свѣдкомъ суть таковыи клейноты:
9. Побожность, мужества и цноты.
14. Два мечѣ в справахъ рыцерскыхъ смѣлость показуютъ.
16. Лелѣя с крестомъ вѣру христіанскую знаменуютъ.
17. В тымъ дому щираа побожность обитаетъ,
15. А слава несмертельнаа на вѣки процвитаетъ.

(«Учительное Евангеліе», Рахмановъ, 1619 г. См. Приложенія Перетца, 157).

«Роско́шникомъ того̀ свѣ́та... Пѣ́снь вдѧ́чнаѧ при банкѐта̑ па̀нски̑»:

8. О смр҃ти несподѣвàна,
8. Тóсь мя, богàтого Пàна,
10. Безъ ѿповѣ́ди нн҃ѣ зостàла,
15. И все крàсное и̑ любѝмое моé забрàла,
13. И павѣ́ки ѿ ѡ҃чій моѝхъ въ тмѣ̀ сховàла.
15. Гдѐ мои̑ нн҃ѣ зàмки кошто̑не мꙋровàныи
15. И палàцы мои̑ свѣн҃е-нели̑чне маліовàныи
12. А шкатꙋлы злòтомъ нафасовàныи,
11. Возники подъ злòтомъ цубовàныи?
14. Гдé мои̑ пресвѣ҃лыи златоткан҃ныи шàты,
17. Ры̀си, собòле, кам҃зины и́ дорогіи шкал҃аты?
15. 'Ѡ смр҃ти всѐ твои̑ приходо̑ ѿ менѐ забрàно
13. И навѣ̀ки ѿ ѡ҃чій моих въ тмѣ̀ сховàно.

(«Перло многоцѣнное»).

Мы пользовались вторымъ изданіемъ «Перла многоцѣннаго», вышедшимъ въ 1699 году въ Могилевѣ (Библ. кіевопечер. Лавры, отд. VII, № 68), но первое изданіе вышло въ послѣдній годъ жизни автора въ 1646 г. въ Черниговѣ. По его словамъ, эта книга написана была въ старости и цѣнилась имъ очень высоко: «взѧла», какъ говоритъ онъ въ предмовѣ до чительника, «совершѐнство своѐ звлàща въ поети̑цкомъ хꙋдóжествѣ» и предназначалась отчасти для школъ: «в'школахъ», читаемъ въ той же предмовѣ, «бꙋдꙋ̑чіи стꙋденты могꙋтъ себѣ̀ съ тои кни̑ги ст҃ои выбирати вѣ̀рши на свою̀ потрѐбꙋ, и твори̑ти з̑ ни̑ ѡ̀раціи розмаи̑тыи часꙋ потрѐбы своéи, хòчъ й па комедіѧх дх҃овны̑». Такимъ образомъ Ставровецкій считалъ, повидимому, неравносложные стихи образцомъ «поетицкаго художества», между тѣмъ стихи его, особенно послѣдніе, ничѣмъ не отличаются отъ народныхъ псальмъ, исполняемыхъ въ Малороссіи лирниками на сборищахъ народныхъ. Въ стихотворной конструкціи этихъ псальмъ мы видимъ и глагольную риѳму, и неравносложность стиховъ, и совпаденіе этихъ стиховъ съ синтактической стопой, и речитативный оттѣнокъ въ исполненіи ихъ, словомъ — всѣ тѣ черты, которыя дальше и рѣзче про-

ведены въ думахъ, на что въ свое время мы указывали[1]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ записей думъ изъ XVI — XVII в., поэтому трудно установить хронологію стихотворнаго размѣра ихъ, но элементы, изъ которыхъ сложился этотъ размѣръ, очевидны. Онъ отражается и въ прозаическихъ сочиненіяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка[2]) и даже въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ отъ 1698 г. завѣщатель отказываетъ разныя свои имѣнія сыну своему съ тѣмъ, чтобы онъ «матки своеи ни въ чомъ, ховай Боже, на раздражалъ, и не квилячи повольность сыновскую противъ неи оказывалъ, то есть оную чтивъ, шановавъ и поважавъ».[3])

Начиная съ V главы, авторъ уже не возвращается болѣе къ старопечатнымъ виршамъ начала XVII вѣка, которыя затронулъ онъ только со стороны стихотворнаго размѣра въ предыдущей главѣ. Повидимому, и для изслѣдованія рукописныхъ виршъ первой половины XVII в. онъ избралъ путеводною нитью этотъ размѣръ, понятый имъ чисто внѣшнимъ образомъ, какъ удачное или неудачное подражаніе польскимъ силлабическимъ стихамъ: по крайней мѣрѣ, останавливаясь въ V главѣ на «старыхъ текстахъ виршъ XVII вѣка», извлеченныхъ изъ рукописей, онъ даетъ въ первомъ отдѣлѣ этой главы образцы правильнаго силлабическаго размѣра, во второмъ — неправильнаго. По поводу перваго отдѣла, гдѣ приведены незначительныя вирши на Рождество Христово изъ рукописи кіево-михайловскаго монастыря начала XVII в. (№ 1738), мы ограничимся замѣчаніемъ, что въ этихъ виршахъ цезура не имѣетъ надлежащей устойчивости, какъ и въ старопечатныхъ. Во второмъ отдѣлѣ этой главы рѣчь идетъ о воскресенскихъ виршахъ, какъ въ первомъ о рождественскихъ. Одна изъ этихъ воскресенскихъ виршъ напечатана по рукописи 1604 г. кіево-михайловскаго монастыря (№ 529). Начинается эта вирша такъ:

---

1) Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 160—161.

2) См. объ этомъ. ibid 36—38.

3) Кіевская старина 1882 г. Январь, 106.

Нынѣ веселый намъ день насталь,
Ижь Христос есть от мертвых въсталь.

Всего въ виршѣ 16 стиховъ. Подобную виршу съ такимъ же количествомъ стиховъ, но съ нѣкоторыми перемѣнами, начиная съ восьмого стиха, авторъ находитъ въ рукописи виленс. публич. библіотеки (№ 233). Сопоставляя эти вирши съ таковыми же польскими, авторъ пользуется изданіемъ Бобовскаго (Polskie piesni Katolickie, Krakow, 1893 г.) и находитъ въ одной изъ нихъ XV вѣка, состоящей изъ девяти стиховъ, сходное начало:

We soły nam dsień nastał,
Gdy Pan Chrystus zwyciężył.

По мнѣнію Бобовскаго, вирша эта «исходитъ отъ какой-то неизвѣстной латинской пѣсни». То же сходное начало и въ Kancyonal' ахъ XV и XVI в. Но все-таки «въ малорусскихъ стихотвореніяхъ, говоритъ г. Перетцъ, мы не можемъ найти буквальнаго сходства ни съ однимъ изъ извѣстныхъ польскихъ текстовъ». (88). Въ виду этого обстоятельства, а также въ виду отсутствія рѣзкихъ полонизмовъ и правильнаго размѣра авторъ считаетъ возможнымъ предположить и для малорусской вирши общій съ польскимъ и болѣе древній источникъ. (89).

Затѣмъ идетъ далѣе по рукописи Импер. публ. библ. (Q. XIV. № 25) текстъ воскресенской вирши XVIII вѣка — польскій, но переписанный русскими буквами. По содержанію она не имѣетъ ничего общаго съ малорусской виршей, но начинается, какъ и эта послѣдняя, словами:

Весолый нам есть дзѣнь насталъ,
Которего знас кажди жондалъ.

Послѣ этого приведены по рукописи XVIII в. изъ собранія кн. Вяземскаго (Q. N LXXVII) двѣ вирши. Одна изъ нихъ съ припѣвомъ «радуйтесь» начинается словами:

Светел празнік днес настал,
ибо Христос з мертвых востал.

Другая съ припѣвомъ «аллилуя» начинается словами:

Веселы нам днес день насталъ,
Котораго Христос з мертвых встал.

Обѣ эти вирши не сходны между собою по содержанію. Всѣ же онѣ сходны между собою только началомъ, да еще въ двухъ виршахъ (изъ рукоп. Импер. публич. библ. и изъ рукоп. кн. Вяземскаго) есть общій припѣвъ «аллилуя».

Вотъ въ немогихъ словахъ всѣ данныя, на основаніи которыхъ авторъ считаетъ и вирши изъ рукописи кн. Вяземскаго переводомъ съ польскаго, хотя самъ же говоритъ, что оригиналовъ польскихъ виршъ онъ нигдѣ не отыскалъ (92), а въ языкѣ двухъ послѣднихъ виршъ не находитъ никакихъ полонизмовъ. Въ виду этой послѣдней черты для насъ остается непонятнымъ, почему онъ не предположилъ для этихъ виршъ такъ же, какъ и для первой изъ рукописи кіево-михайловс. монастыря, «болѣе древній источникъ?» Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ, вмѣсто всѣхъ этихъ натянутыхъ параллелей и сближеній, можно было бы говорить только объ усвоеніи этой группой виршъ начальныхъ двухъ стиховъ изъ латино-польскаго источника.

Перейдемъ къ VI главѣ «О малорусскихъ виршахъ въ польскихъ рукописныхъ сборникахъ XVII — XVIII в.». Состоитъ она изъ пяти отдѣловъ, въ которыхъ, по словамъ автора, «сведены въ одну общую картину лишь нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что поляки XVII вѣка охотно заносили въ свои записныя книжки произведенія малорусскаго творчества» (93). «Эти заимствованія», говоритъ авторъ въ концѣ главы, «частію происхожденія искусственнаго — вирши школьниковъ; частію народнаго, какъ колядки; частію же обработки народно-религіозныхъ легендъ польскими писателями» (123). Любопытно знать, что побуждало ихъ къ этимъ заимствованіямъ. По мнѣнію автора, разныя причины. Удачнѣе всего, по нашему мнѣнію, разъяснено въ пятомъ отдѣлѣ этой главы появленіе апокрифическихъ народныхъ сказаній въ польскихъ драмахъ, составленныхъ іезуитами, которые имѣли въ виду «обличить и осмѣять православное простонародье, пользуясь повѣрьями и отзвуками апокрифовъ, отра-

зившихся въ народной легендѣ и сказкѣ» (121). Что касается до другихъ причинъ, то въ указаніи ихъ мы находимъ нѣкоторую сбивчивость. Такъ, въ одномъ сборникѣ Имп. пуб. библ. Разнояз. О. XVII. № 11 авторъ нашелъ стихотвореніе историческаго содержанія изъ эпохи Богдана Хмельницкаго. Это любопытный варіантъ къ пѣснѣ о пораженіи козаковъ подъ Берестечкомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанной нами съ объясненіями въ Archiv'ѣ Ягича. Побужденіемъ къ помѣщенію этого стихотворенія въ польскомъ сборникѣ служило, по словамъ автора, «непріязненное чувство, съ которымъ побѣдители торжествовали побѣду». (105). Но во второмъ отдѣлѣ VI главы приведено изъ другого польскаго сборника стихотвореніе изъ той же эпохи Богдана Хмельницкаго, гдѣ говорится о пораженіи поляковъ при Желтыхъ Водахъ. Замѣчательно, что въ обширномъ кругѣ стихотвореній на латинскомъ и польскомъ языкахъ о событіяхъ временъ Богдана Хмельницкаго нѣтъ ни одного о Желтоводской побѣдѣ козаковъ. Какъ же оно очутилось въ польскомъ сборникѣ? Объ этомъ ничего не говоритъ г. Перетцъ, подрывая молчаніемъ своимъ высказанныя имъ выше соображенія о «непріязненномъ чувствѣ поляковъ-побѣдителей».

Въ четвертомъ отдѣлѣ V главы говорится о записяхъ малорусскихъ колядокъ въ польскомъ сборникѣ. Одну изъ этихъ колядокъ авторъ нашелъ въ польской рукописи, датированной 1719 годомъ, Имп. пуб. библ. О. XIV, № 4. Онъ сопоставляетъ ее съ псальмой юго-западнаго происхожденія, помѣщенной Безсоновымъ въ «Каликахъ перехожихъ» (вып. 4, № 309), но уже пріобрѣвшей будто бы на великорусской почвѣ нѣкоторыя церковнославянскія формы (115). Псальма эта, по мнѣнію автора, представляетъ разницу сравнительно съ предыдущей виршей въ содержаніи и въ языкѣ, а сходство въ размѣрѣ, нѣкоторыхъ риѳмахъ и полонизмахъ. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что «мы имѣемъ дѣло съ переходомъ и въ польскій и въ великорусскій сборникъ малорусской псальмы на Рождество» (115). Не отрицая возможности такого перехода, мы не видимъ доказательствъ,

что въ первоначальной редакціи эта псальма на Рождество не происходитъ изъ того же польскаго источника. Правда, авторъ въ защиту своей мысли говоритъ: «отыскивая въ сборникахъ пѣсенъ и кантовъ ея возможный польскій оригиналъ, мы ничего подходящаго пока не нашли» (111). Такимъ образомъ въ V главѣ отсутствіе польскаго оригинала не помѣшало автору признать нѣкоторыя вирши переводомъ съ польскаго, а здѣсь совсѣмъ наоборотъ — то же обстоятельство — отсутствіе оригинала, пока еще не отысканнаго, располагаетъ его къ иному выводу.

Но если въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не видимъ у автора доказательствъ той или иной мысли, то въ другихъ случаяхъ находимъ ненужное изобиліе ихъ. Въ третьемъ отдѣлѣ IV главы онъ помѣщаетъ юмористическую пѣсню о попѣ, который пропилъ не только все свое хозяйство — «коники и волы», но даже «ризы и патрахиль». По поводу этой пѣсни авторъ высказываетъ мысль, что составитель польскаго сборника внесъ въ него малорусскую пѣсню, осмѣивающую православное духовенство, побуждаемый враждебнымъ чувствомъ къ нему, и затѣмъ выдвигаетъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о порчѣ нравовъ въ средѣ духовенства не только малорусскаго, но и великорусскаго, и притомъ не только изъ эпохи Петра Могилы, но и изъ эпохи Дмитрія Ростовскаго. Все это намъ кажется излишнимъ балластомъ, не соотвѣтствующимъ цѣли. Замѣтимъ, между прочимъ, что этого балласта нѣтъ въ статьяхъ г. Перетца, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ Академіи.

VII глава состоитъ изъ восьми отдѣловъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Къ вопросу о польскомъ вліяніи на русскую поэзію XVII — XVIII в.». Слова «къ вопросу» показываютъ, что авторъ не имѣлъ въ виду всего вопроса. Но разъ поставлены въ заглавіи два вѣка, то мы желали бы разобраться въ хронологическихъ моментахъ этого вліянія, т. е. отдѣлить въ немъ то, что относится къ одному вѣку, отъ того, что относится къ другому. Впрочемъ, эта неясность представленія о томъ, что и когда оказывало вліяніе, облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что почти весь польскій матеріалъ, о которомъ говоритъ г. Перетцъ, нашелъ онъ въ

сборникахъ XVIII вѣка, поэтому все содержаніе этой главы мы должны отнести главнымъ образомъ къ XVIII в. Гораздо больше недоумѣній вызываетъ самый объектъ польскаго вліянія, т. е. русская поэзія. Что разумѣетъ авторъ подъ русскою поэзіей — великорусскую, малорусскую или ту и другую вмѣстѣ? Еще въ началѣ VI главы онъ высказалъ мысль, что «говорить о вліяніи польской поэзіи на малорусскую въ виду массы памятниковъ, обнаруживающихъ наличность этого вліянія, представляется излишнимъ». (93). Можно думать поэтому, что онъ имѣетъ въ виду непосредственное вліяніе польской поэзіи на великорусскую. Въ дѣйствительности, въ VII главѣ онъ указываетъ на цѣлый рядъ великорусскихъ сборниковъ, переполненныхъ польскимъ матеріаломъ. Но въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ этой главы онъ анализируетъ вирши, перешедшія изъ малорусскихъ сборниковъ въ великорусскіе. И противъ этого мы ничего не имѣемъ, но въ этой пестрой славяно-малорусско-польской мозаикѣ мы не находимъ элементовъ великорусской поэзіи, поэтому не можемъ составить яснаго представленія о вліяніи на нее польской виршевой поэзіи. «Сначала», говоритъ авторъ, «мы обратимся къ такимъ псальмамъ, въ которыхъ сказалась рука переводчика, болѣе или менѣе потрудившагося, вложившаго въ свой переводъ долю оригинальности, сравнительно съ образцомъ, а затѣмъ уже укажемъ переводы, представляющіе тѣ же польскіе тексты, лишь переписанные кириллицей». (124 — 125). Гдѣ же тутъ русская поэзія? Конечно, ея нѣтъ въ польскихъ текстахъ, «переписанныхъ кириллицей», которые авторъ почему то называетъ переводами. Остается предположить ее въ тѣхъ виршахъ, въ которыхъ «сказалась рука переводчика», но въ славяно-малорусскихъ стилистическихъ крупицахъ, собранныхъ авторомъ, по нашему мнѣнію, едва ли можно видѣть русскую поэзію въ серьезномъ смыслѣ этого слова.

Въ первомъ отдѣлѣ VII главы авторъ разбираетъ одну «польскую виршу» o próżności swiata, которая начинается словами: «iest zdrada w świecie». Онъ приводитъ ее по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XVII. № 79 XVII — XVIII в., сопоставляя съ печатнымъ

текстомъ по сборнику, изданному въ Гроднѣ въ 1829 г. Сопоставленіе это приводитъ его къ выводу, что вирша это была переведена съ польскаго не позже начала XVIII в. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ это было такъ, но мы не рискнули бы для оправданія этой возможности дѣлать характеристику самаго труда переводчика, «сравнивая переводъ ея съ предполагаемымъ оригиналомъ строфу за строфой» (147). Мы находимъ это невозможнымъ за отсутствіемъ оригинала. Самъ авторъ сознается, что «польскій текстъ, дошедшій до насъ, могъ быть подвергнутъ за 100 лѣтъ передѣлкамъ» (149), однако же употребляетъ немало труда на сравнительный анализъ этой вирши: почти на 10 страницахъ онъ печатаетъ ее «полностію», на 5 страницахъ приводитъ варіанты къ ней по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 25, — и все это для того, чтобы прійти къ сомнительнымъ заключеніямъ. Тѣмъ болѣе это непонятно, что, говоря о рождественскихъ псальмахъ, помѣщенныхъ у Безсонова, авторъ считаетъ «главнымъ недостаткомъ сопоставленій» его то, что «онъ пользовался для этой цѣли новыми польскими текстами, сравнивая съ ними славянорусскіе съ начала XVIII вѣка, частію восходящіе къ XVII в.» (175). Но это какъ разъ тотъ самый недостатокъ, который такъ рѣзко бросается въ глаза въ сопоставленіяхъ самого г. Перетца.

Тотъ же пріемъ онъ употребляетъ и въ анализѣ другой вирши, начинающейся словами: «По что миръ гордится во временнѣ славѣ», по рукописи Имп. пуб. биб. Q, XVII, № 212, относящейся будто-бы къ XVII в. (151). Говоримъ *будто бы*, потому что, судя по выпискамъ изъ этой рукописи, приведеннымъ у самого автора (303), она относится скорѣе къ XVIII, чѣмъ къ XVII вѣку.

Но если за отсутствіемъ современнаго польскаго оригинала трудно говорить объ особенностяхъ перевода той или иной вирши на славянорусскую рѣчь, то эта трудность увеличивается, когда нѣтъ подъ руками и позднѣйшаго польскаго текста, да еще вдобавокъ анализируемая вирша осложнена переводомъ на малорусскій литературный языкъ, послѣ чего уже перешла на велико-

русскую почву. Это мы видимъ на анализѣ вирши, начинающейся словами: «Самъ я не знаю, якъ на свѣтѣ жити». Авторъ хочетъ опредѣлить «источники, элементы, изъ которыхъ сложилась она» (160). Для этого онъ приводитъ двѣ пьесы изъ рукописи виленс. пуб. биб. № 233. Тема этихъ пьесъ одна и та же — изображеніе душевной борьбы между страхомъ смерти и потребностію «жити и еще грѣшити». Вторая пьеса заканчивается обращеніемъ къ Богоматери съ мольбой о помощи. Въ рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 мы имѣемъ уже сложный текстъ, образовавшійся изъ сліянія двухъ виленскихъ пьесъ. Допуская это послѣднее предположеніе, авторъ не оградилъ его отъ иного предположенія о томъ, что виленскія пьесы могли образоваться посредствомъ разложенія цѣльнаго текста, такъ какъ виленскій сборникъ, во всякомъ случаѣ, не древнѣе петербургскаго. Но допустимъ, что такое сліяніе состоялось. Слѣдуетъ затѣмъ вопросъ, когда и гдѣ? Авторъ указываетъ на нѣкоторые полонизмы петербургской вирши, которые, по его мнѣнію, «показываютъ, что сліяніе восходитъ къ польскому тексту». (163). Точно ли *показываютъ*, если мы знаемъ, что полонизованною славяно-малорусскою рѣчью могли писать и дѣйствительно писали малороссіяне? Указавъ варіанты этого сложнаго текста по списку Академіи наукъ 1729 года и по списку Грушевскаго 1727 года, т. е. по спискамъ болѣе древнимъ, чѣмъ рукопись вил. пуб. биб., гдѣ нѣтъ еще сложнаго текста, авторъ приводитъ наконецъ тотъ же сложный текстъ по другой рукописи XVIII в. Имп. пуб. биб. Q XIV, № 16. Въ этомъ текстѣ онъ отмѣчаетъ «сравнительное изобиліе явныхъ и намѣренно вставленныхъ церковно-славянизмовъ, хотя не обошлось и безъ полонизмовъ, подчасъ довольно рѣзкихъ, въ родѣ «упадлего» (166). Прибавимъ отъ себя, что немало въ этомъ текстѣ есть и малоруссизмовъ. И вотъ на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ авторъ дѣлаетъ выводъ, что путемъ постепенной «руссификаціи»[1]) заимствованнаго текста вѣроятнѣе всего и полу-

1) Кавычки принадлежатъ автору.

чился тотъ текстъ, который читается въ рукоп. Имп. пуб. биб. Q XIV, № 25» (166). Замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ текстѣ нѣтъ еще рѣзкихъ славянизмовъ, которые встрѣчаются въ текстѣ изъ рукоп. Имп. пуб. биб. О. XIV, № 16 и которые авторъ считаетъ самымъ рѣшительнымъ признакомъ «руссификаціи», разумѣя подъ этой послѣдней то, что вирша «перешла уже на великорусскую почву». (159). Но если мы вспомнимъ, что славянизмы — обычное явленіе въ славяно-малорусской рѣчи, и что во всѣхъ петербургскихъ спискахъ этой сложной вирши нѣтъ великорусскихъ особенностей рѣчи, то при чемъ же тутъ «руссификація» въ великорусскомъ смыслѣ этого слова? Поневолѣ приходится согласиться съ авторомъ, что «при наличности немногихъ варіантовъ трудно установить какую-бы то ни было зависимость между текстами такихъ подвижныхъ сборниковъ, какъ наши». (166). Не менѣе справедливо и другое замѣчаніе его, что «настоящій матеріалъ нуждается въ дополненіяхъ, и только тогда, когда будутъ извѣстны многія другія псальмы, можно установить ея исторію». (169). Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же преждевременно браться за эту исторію?

Другая меньшая половина VII главы, согласно съ планомъ автора, посвящена буквальнымъ заимствованіямъ съ польскаго. Здѣсь почва тверже главнымъ образомъ потому, что авторъ имѣетъ дѣло съ такими псальмами, которыя представляютъ ничто иное, какъ переписку польскихъ пьесъ русскими буквами. Такимъ образомъ отсутствіе польскихъ оригиналовъ здѣсь восполняется грубой очевидностію заимствованій, и не было никакой надобности говорить ни о литературныхъ оттѣнкахъ въ переводѣ польскихъ оригиналовъ, ни о постепенной руссификаціи ихъ. Автору предстояла поэтому болѣе простая задача каталогизаціи заимствованныхъ польскихъ пьесъ сперва духовнаго содержанія, а потомъ свѣтскаго. Не совсѣмъ только понятно для насъ, какимъ образомъ попали въ первый разрядъ пьесъ указанія на пьесы изъ сборника Грушевскаго (до 1727 г.), и почему онѣ не внесены въ послѣдній отдѣлъ главы о заимствованіяхъ съ польскаго пѣсенъ свѣтскихъ.

Если причиной этого было то обстоятельство, что сборникъ Грушевскаго малорусскій, а не великорусскій, то ему не мѣсто было въ обзорѣ польскихъ пьесъ, «находящихся въ великорусскихъ сборникахъ XVIII вѣка» (190). Что касается до этихъ пьесъ, то онѣ исчисляются главнымъ образомъ по двумъ рукописямъ Имп. пуб. биб. XVIII в. Q, XIV №№ 141 и 25. Рукописи эти описаны и въ «Приложеніяхъ» къ 1 тому (часть 2), гдѣ встрѣчаемъ начальные стихи тѣхъ же пьесъ. Эта двойная перепечатка начальныхъ стиховъ вмѣсто простой ссылки на «Приложенія» объясняется, повидимому, желаніемъ показать наглядным образомъ, «съ какой силой и въ какомъ количествѣ переходили западно-русскія и польскія поэтическія произведенія въ низшій слой читающаго общества XVIII в.» (188). Намъ показалось только страннымъ, что въ одномъ мѣстѣ авторъ считаетъ «фактъ переноса польскихъ псальмъ и пѣсенъ цѣликомъ достаточно извѣстнымъ, чтобы на немъ долго останавливаться» (179), а въ другомъ мѣстѣ, говоря о польскихъ вліяніяхъ на русскую читающую публику, называетъ эту идею гипотезой (194).

VIII глава представляетъ сводъ данныхъ о «малорусскомъ вліяніи въ Москвѣ въ XVII — XVIII в.» Мы бы сказали: не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ въ эпоху просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго и послѣ. Собственно говоря, это вводная глава къ цѣлому ряду слѣдующихъ за нею главъ о малорусскихъ пѣсняхъ на великорусской почвѣ въ XVIII в. Въ ней собраны въ одно цѣлое извѣстные факты о появленіи въ Москвѣ въ XVIII в. новыхъ эстетическихъ вѣяній въ церковномъ пѣніи, о пробужденіи вкуса къ стихотворнымъ произведеніямъ религіознаго содержанія, о «риѳмотворной» псалтири Симеона Полоцкаго, о «легкой поэзіи» при Петрѣ Великомъ, «лишенной всякой религіозной окраски», о малорусскихъ пѣсняхъ и ихъ распространителяхъ въ Великороссіи, объ учителяхъ-малороссіянахъ-бандуристахъ, придворныхъ пѣвчихъ и проч. По поводу этой главы мы ограничимся только указаніемъ на нѣкоторыя хронологическія несоотвѣтствія въ ней. На стр. 204 авторъ говоритъ, что

«Симеону Полоцкому принадлежитъ заслуга введенія пѣнія духовныхъ виршъ въ пѣсенный обиходъ великорусскихъ грамотеевъ и любителей», а нѣсколько выше, на стр. 202 онъ приводитъ изъ «риѳмотворной» псалтири слова самого Симеона Полоцкаго, изъ которыхъ видно, что онъ засталъ уже въ Москвѣ любовь «къ сладкому и согласному пѣнію польскія псалтири, стіховно преложенныя». Что касается до малорусскихъ виршъ, то авторъ самъ не сомнѣвается, что еще при патріархѣ Никонѣ, задолго до появленія псалтири Полоцкаго (1680 г.), выписанные изъ Малороссіи пѣвцы привезли съ собою «образцы виршевой западнорусской поэзіи, положенные на ноты» (212). На стр. 207, характеризуя русское общество, затронутое реформой Петра Великаго, авторъ говоритъ о малорусскихъ бандуристахъ, пользовавшихся въ лучшихъ домахъ Петербурга популярностію; «очевидно», прибавляетъ онъ, «старая традиція не исчезла». Но въ Москвѣ, судя по фактамъ, на которые ссылается г. Перетцъ (197), о малорусскихъ бандуристахъ еще ничего не знали. Еще одно замѣчаніе. Такъ какъ авторъ стремится, повидимому, къ подробному изложенію фактовъ относительно представителей малорусскаго искусства въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, то можно было бы, по нашему мнѣнію, упомянуть о томъ, что извѣстный Алексѣй Разумовскій, послѣ потери голоса, переименованъ былъ изъ придворныхъ пѣвчихъ въ придворные бандуристы. При Елисаветѣ Петровнѣ извѣстенъ и другой придворный бандуристъ — Григорій Михайловичъ Любистокъ, который въ 1743 г. пожалованъ былъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ былъ въ полковники[1]). Въ дневникѣ Хапенка есть упоминанія о другихъ придворныхъ бандуристахъ болѣе ранняго времени[2]).

IX глава носитъ названіе: «Старшіе сборники малорусскихъ пѣсенъ начала XVIII вѣка». По этимъ сборникамъ авторъ дѣлаетъ характеристику репертуара малорусскихъ бандуристовъ

1) Дневникъ Маркевича, т. II, стр. 182, 191.

2) Кіевская Старина 1884 г. августъ. Стр. 71, сентябрь, стр. 81.

того времени. Такихъ сборниковъ оказалось всего два—М. Грушевскаго, напечатанный въ Запискахъ науковаго товар. имени Шевченка, т. XV и XVII, и сборникъ Академіи Наукъ, № 16. 6. 29. Есть указанія въ томъ и другомъ сборникѣ, что вирши и пѣсни записаны въ нихъ были раньше тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Авторъ описываетъ пѣсни свѣтскаго содержанія въ обоихъ сборникахъ. Въ краткихъ словахъ онъ излагаетъ содержаніе этихъ пѣсенъ, ограничиваясь замѣчаніемъ, что «въ нихъ есть нѣчто новое сравнительно съ старымъ великорусскимъ репертуаромъ, именно представленіе о «кавалерахъ», «дамахъ» и проч. (215). Гораздо подробнѣе онъ говоритъ объ Академическомъ сборникѣ. Какъ и въ сборникѣ М. Грушевскаго, онъ не только отмѣчаетъ содержаніе 12 пѣсенъ, но приводитъ выдержки изъ нихъ, помѣщая цѣликомъ нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ во второй части своего труда. Выдержки эти предназначены для характеристики составителя сборника Дзюбаревича. Основываясь на разныхъ записяхъ и припискахъ къ сборнику, авторъ предполагаетъ, что Дзюбаревичъ былъ козакъ гадяцкаго полка, сидѣвшій подъ арестомъ и въ это время записавшій нѣсколько пѣсенъ, изображающихъ «его тоскливое настроеніе въ заключеніи». (217). Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о разлукѣ съ милой, о жизни на чужбинѣ онъ усматриваетъ автобіографическія черты составителя сборника. — Замѣтимъ только, что въ припискахъ къ сборнику Дзюбаревичъ называетъ себя собственникомъ его и «рабомъ Божіимъ», а не козакомъ,—что на 55 листѣ сборника написано только: «Арестантъ полку гадяцкаго»—безъ объясненія, кто этотъ арестантъ,—что псальмы и пѣсни записаны разными почерками, которыхъ г. Перетцъ насчиталъ шесть. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ гипотеза его о личности Дзюбаревича кажется намъ недостаточно обоснованной, тѣмъ болѣе, что и пѣсни о разлукѣ съ милой, о жизни на чужбинѣ состоятъ изъ общихъ мѣстъ—безъ всякихъ слѣдовъ индивидуальныхъ указаній и даже намековъ. Единственная пѣсня, которая могла бы относиться къ личности Дзюбаревича, это псальма о Дербентскомъ походѣ

(1722 г.), если бы г. Перетцъ далъ надлежащую справку о томъ, что псальма эта написана почеркомъ того самаго лица, которое въ припискахъ къ сборнику называетъ себя собственникомъ его. Что касается этой псальмы, то она отличается историческимъ реализмомъ, ясно выступающимъ изъ сопоставленія ея съ запиской XVIII в. о томъ же походѣ, изъ которой г. Перетцъ удачно выбралъ соотвѣтствующія мѣста. Съ полною основательностію онъ говоритъ, что псальма эта показываетъ намъ, «въ какой средѣ и при какихъ обстоятельствахъ складывались иногда памятники малорусской поэзіи — по горячимъ слѣдамъ событій, какъ они затѣмъ распространялись и находили откликъ въ народной массѣ» (224). Благодаря этому освѣщенію, мы присутствуемъ, такъ сказать, при самомъ зарожденіи исторической народной пѣсни, и если не встрѣчаемъ ее въ народной обработкѣ, то, вѣроятно, потому, что Дербентскій походъ заслоненъ былъ другими быстро надвигавшимися событіями.

Заканчивается IX глава словами: «другія пѣсни сборника Дзюбаревича, изъ сличенія съ данными современной малорусской поэзіи, обнаруживаютъ свою связь съ послѣдней, унаслѣдовавшей обороты и пріемы отъ далекой старины, когда то, что теперь считается народнымъ, таковымъ не было». (224). Но во-1) такого «сличенія» въ данномъ случаѣ произведено не было, слѣдовательно, и выводъ можно считать преждевременнымъ. Во-2) едва ли можно считать первыя десятилѣтія XVIII в. «далекой старпной». Въ-3) обращеніе къ Венерѣ и тому подобные литературные пріемы, какъ тогда не считались, такъ и теперь не считаются народными.

X глава посвящена обзору малорусскихъ пѣсенъ въ великорусскихъ записяхъ начала XVIII в. Имѣя въ виду подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ въ отдѣльной работѣ, г. Перетцъ извлекаетъ изъ рукописнаго матеріала XVIII в. только нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ, усвоенныхъ въ Великороссіи. — Вся глава распадается на семь отдѣловъ.

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ слѣдитъ «за исторіей одной ис-

кусственной пѣсни — въ *народномъ* употребленіи (227). Называетъ онъ эту пѣсню элегіей малорусскаго происхожденія и приводитъ ее по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141. Начинается она словами: «Во печали во великой всегда пребываю» и изображаетъ огорченіе молодца, жалующагося на двуличныя отношенія къ нему дѣвицы. Въ великорусской обработкѣ этой элегіи по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 11 молодецъ жалуется уже не на дѣвицу, а на разлучниковъ, на чужую сторону. Во второмъ варіантѣ этой пѣсни по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 12 тѣ же слова идутъ уже не отъ молодца, а отъ дѣвицы. Въ виду разнаго содержанія этихъ трехъ пьесъ можно ли назвать ихъ варіантами одной пѣсни? Можно ли затѣмъ говорить о «народномъ» употребленіи ихъ, не имѣя ни одной изъ этихъ пѣсенъ въ народной редакціи, записанной изъ устъ народа? По нашему мнѣнію, по поводу этихъ трехъ стихотвореній можно лишь сказать, что изъ малорусскаго стихотворенія великорусскіе авторы заимствовали только шесть стиховъ, напечатанныхъ у автора разрядкой.

Во второмъ отдѣлѣ приводится другая элегія тоже малорусскаго происхожденія по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 съ варіантами по рукописямъ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 12 и O. XIV, № 12. Въ варіантахъ есть нѣкоторыя особенности — тоже книжныя. Авторъ, однако же, думаетъ, что «малорусская пѣсня (а не вирша) сначала должна была, пройдя чрезъ болѣе образованную великорусскую среду, сбросить свою чуждую внѣшность, утратить или смягчить полонизмы и малороссизмы, а затѣмъ уже перейти въ среду простонародья» (233). Мы тоже готовы думать, что все это возможно было, но въ данномъ случаѣ за однимъ остановка: авторъ не указалъ, какія новыя черты пріобрѣла эта тяжеловѣсная любовная вирша въ средѣ великорусскаго простонародья.

Въ третьемъ отдѣлѣ говорится о пѣсняхъ, имѣющихъ темой приглашеніе къ себѣ дѣвицей молодца переночевать или прямо въ гости. Сперва приводится текстъ этой пѣсни по рукописи Имп.

пуб. биб. Q. XIV, № 141,[1]) — затѣмъ исчисляются варіанты по изданіямъ народныхъ пѣсенъ Соболевскаго и Чубинскаго. Для сравнительной оцѣнки основного текста, по нашему мнѣнію, особенно важенъ старшій великорусскій варіантъ, находящійся въ рукописномъ сборникѣ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 11. Къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ его, вопреки своему обыкновенію, ни «полностію», ни въ отрывкахъ: мы знаемъ только два начальныхъ стиха этого варіанта изъ 2 части труда г. Перетца (117). Въ виду этого, мы должны довольствоваться заявленіемъ его, что «первоначальный текстъ пѣсни былъ близокъ къ той схемѣ, которая установлена по старшимъ варіантамъ» (237). Авторъ думаетъ, что «текстъ этотъ явился въ началѣ XVIII в. на великорусской почвѣ и къ срединѣ вѣка успѣлъ уже пріобрѣсти новыя черты и великорусскую окраску». (237). Что же именно явилось— текстъ *пѣсни* или текстъ *вирши,* разработавшей одинъ только пикантный эпизодъ пѣсни, съ примѣсью той слащавости, которая чужда народной пѣснѣ, гдѣ выступаетъ энергическая дѣвушка, оскорбленная въ своемъ интимномъ чувствѣ? Мы думаемъ, вопреки мнѣнію автора, что въ великорусскіе сборники попала не пѣсня, а вирша, исказившая пѣсню, которая, во всякомъ случаѣ, существовала уже до появленія вирши.

Въ четвертомъ отдѣлѣ говорится о малорусскихъ передѣлкахъ малорусскихъ виршъ, объ одномъ рождественскомъ кантѣ Сковороды — произведеніи, которому падлежащее мѣсто было бы въ VII главѣ, такъ какъ оно сочинено было подъ сильнымъ вліяніемъ польскаго канта, — о передѣлкѣ Котляревскимъ извѣстной пѣсни Сковороды «Голова всяка имѣетъ смыслъ», а также объ извѣстной пародіи Котляревскаго на старинную псальму «О, горе мнѣ, грѣшнику сущу». Всѣхъ этихъ передѣлокъ авторъ не указываетъ въ великорусскихъ сборникахъ, поэтому намъ

1) Первые стихи этой пѣсни авторъ считаетъ общимъ народно-поэтическимъ мѣстомъ и дѣлаетъ ссылку на рукопись Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 127. Л. 87, об. Судя по оглавленію пѣсенъ этой рукописи, напечатанному въ Приложеніяхъ, ссылка эта оказывается невѣрной: (Часть II, стр. 111).

остается непонятнымъ, почему онѣ помѣщены въ главѣ, которая носитъ названіе: «Малорусскія пѣсни въ великорусскихъ записяхъ начала XVIII в.» Это тѣмъ болѣе странно, что самъ онъ отмѣчаетъ годъ рожденія Сковороды (1722), а драматическія произведенія Котляревскаго, гдѣ помѣщены пародіи его на старинныя псальмы, написаны уже въ XIX в.

Пятый отдѣлъ X главы авторъ начинаетъ указаніемъ на заманчивыя перспективы въ изученіи книжнаго пѣснотворчества. «Интересно прослѣдить», говоритъ онъ, «какое вліяніе въ смыслѣ созданія новыхъ образцовъ легкой поэзіи оказала стихотворческая дѣятельность южнорусскихъ выходцевъ въ сѣверной Московской Россіи. Авторы-великоруссы для созданія пѣсенокъ берутъ за образцы вирши южнорусскихъ стихотворцевъ. Подражая имъ въ формѣ, отчасти и въ содержаніи, заимствуя обороты и мысли, повторяя даже малорусскія риѳмы, великоруссы, можетъ быть и не преднамѣренно, вносятъ въ модныя пѣсенки нѣкоторые народные образцы» (240). Какъ на характерный образецъ такого явленія, онъ указываетъ по рукописному сборнику второй половины XVIII в. Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 127 на одну элегію, очень близкую къ извѣстной элегіи Ѳеофана Прокоповича: «Плачетъ пастушекъ въ долгомъ ненастіи».

Здѣсь мы должны прервать на время изложеніе мыслей автора объ этомъ поэтическомъ подражаніи Ѳеофану Прокоповичу, потому что онъ, какъ это часто дѣлаетъ въ своихъ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ, «попутно» останавливается на поэтической дѣятельности самого Прокоповича. Не входя въ критическую оцѣнку этой дѣятельности, онъ ограничивается двумятремя словами по адресу архіеп. Филарета, сомнѣвавшагося въ поэтическомъ талантѣ Прокоповича, а затѣмъ приводитъ списокъ латинскихъ и русскихъ стихотвореній Прокоповича, руководствуясь изданіемъ «Словъ и рѣчей» его 1760 — 1774 годовъ и «Обзоромъ русской духовной литературы» архіеп. Филарета. Списокъ этотъ онъ дополняетъ указаніемъ на стихотвореніе Ѳеофана Прокоповича по поводу смерти Варлаама Ясинскаго по

рукописи Кіево-Михайлов. монастыря № 569 и польскимъ стихотвореніемъ Прокоповича по рукописи того же монастыря № 526. Послѣднее стихотвореніе, какъ говоритъ авторъ, «озаглавлено именемъ Прокоповича, хотя и странными буквами А. Р.» (248). По его мнѣнію, польское стихотвореніе Прокоповича представляетъ сходство съ элегіей его: «Плачетъ пастушекъ въ долгомъ ненастіи». По нашему мнѣнію, за исключеніемъ элегическаго тона, сходства между этими стихотвореніями ни въ замыслѣ, ни въ поэтическихъ образахъ нѣтъ.

Послѣ этого экскурса, который занимаетъ у автора восемь страницъ (241 — 248), возвратимся вмѣстѣ съ нимъ къ элегіи неизвѣстнаго автора, подражавшаго Прокоповичу. Дѣйствительно, въ ней ясны слѣды подражанія не только въ настроеніи, но, что особенно важно, въ поэтическихъ образахъ. Замѣтимъ, что авторомъ ея г. Перетцъ считаетъ малороссіянина, но переписана элегія, по его мнѣнію, несомнѣнно великоруссомъ. (249). Затѣмъ во второй части ея онъ подробно анализируетъ поэтическій образъ, выраженный въ слѣдующихъ стихахъ элегіи:

Ой колиб возможно мѣть пѣрья орловы,
Колибы достать можно крылья дадѣлевы,
Полетел бы туда, куда мысль справляе,
Ой гдѣ мое сердце в радости жит чае.

Авторъ слѣдитъ за развитіемъ символа: сильное желаніе, порывъ воли-полетъ птицы, ея крылья — въ народныхъ пѣсняхъ. Онъ нагромождаетъ массу отрывковъ изъ народныхъ пѣсенъ не только великорусскихъ, бѣлорусскихъ, но и угрорусскихъ, сербскихъ, болгарскихъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ этому символу. Между прочимъ, онъ приводитъ отрывокъ изъ одной пѣсни Дмитріева, гдѣ встрѣчается тотъ же символъ, справедливо усматривая въ ней обработку народнаго мотива. Нѣкоторыя народныя пѣсни этого рода, по его мнѣнію, «опираются, какъ на источникъ, на пѣсню Дмитріева» (255), другія — независимы отъ нея, есть даже такія, которыя могли служить для нея оригиналомъ. (Ibid). Всѣ эти мнѣнія высказаны безъ достаточныхъ

основаній, потому только, что такъ кажется автору, или, какъ онъ выражается, «на нашъ взглядъ» (254). Къ чему же приводитъ автора этотъ новый экскурсъ отъ стр. 251 до 260? Къ тому выводу, что во второй части своей элегіи «неизвѣстный намъ авторъ послѣдовалъ народной поэзіи и повторилъ одинъ изъ распространенныхъ образовъ ея» (260). Намъ кажется, что для этого очевиднаго вывода потрачено было слишкомъ много усилій. А главное не въ томъ: судя по вводнымъ строкамъ этого отдѣла, значительнаго по объему (отъ 240 до 264 стр.), мы ожидали, что познакомимся съ поэтическою дѣятельностію *авторовъ-великоруссовъ*, подражавшихъ въ XVIII в. издѣліямъ малорусской музы, а получили совсѣмъ не то, такъ какъ элегія — подражаніе элегіи Ѳеофана Прокоповича, по сознанію самого автора, была малорусскимъ произведеніемъ.

То же самое мы должны сказать и о другихъ пьесахъ «пиворѣзнаго» содержанія, разсматриваемыхъ въ шестомъ и седьмомъ отдѣлахъ X главы. Авторъ справедливо говоритъ, что всѣ онѣ малорусскаго происхожденія, не менѣе справедливо указываетъ въ языкѣ ихъ нѣкоторыя черты великорусскія. Но какъ появились эти черты? Занесены онѣ случайно великоруссами-переписчиками или же вставлены сознательно въ процессѣ поэтической переработки? И кто занимался этой переработкой — великоруссы-любители или же малороссы, желавшіе приспособить произведенія родной школы къ новой обстановкѣ, — тѣ малороссы, которые сложили о своихъ похожденіяхъ въ Москвѣ слѣдующіе юмористическіе стихи:

Волною морскою
Був я під Москвою:
Там я рибу ловив
И штани загубив,
Тим бо и прославився [1]).

На всѣ эти вопросы можно было бы отвѣчать стилистическимъ

1) Изъ рукописи начала XIX вѣка, намъ принадлежащей.

анализомъ этихъ пьесъ сравнительно съ малорусскимъ текстомъ ихъ, не тронутымъ еще великорусскими вліяніями. Такого анализа мы не находимъ въ изслѣдованіяхъ г. Перетца. Зато не мало въ нихъ ссылокъ на первоисточники виршъ-пародій. Такъ, по поводу воскресенской вирши, гдѣ говорится о побѣдѣ Спасителя надъ сатаной и о изведеніи праведниковъ изъ ада, онъ указываетъ на Никодимово евангеліе и, вмѣсто сопоставленія ея съ малорусской виршей такого же содержанія, приводитъ одно мѣсто изъ слова псевдо-Евсевія, будто бы «послужившее для пародиста» (273), да еще по рукописи XII в. Конечно, авторъ имѣлъ въ виду неизвѣстный ему первоначальный текстъ пародіи, но если бы даже удалось ему возстановить этотъ текстъ, то все-таки это не разъясняло бы вопроса о томъ, какъ появились малорусскія вирши въ великорусскомъ одѣяніи.

Начиная отъ XI главы г. Перетцъ занимается обзоромъ великорусскихъ сборниковъ второй половины XVIII вѣка. XI и XII главы представляютъ сырой матеріалъ для изученія малорусскихъ вліяній на образованіе новыхъ литературныхъ вкусовъ въ низшихъ рядахъ великорусскаго общества, затронутаго образованіемъ. Чтобы выяснить «хотя бы приблизительно объемъ и содержаніе малорусскихъ элементовъ въ пѣсенномъ репертуарѣ XVIII вѣка» (283), авторъ приводитъ по одному начальному стиху малорусскихъ пьесъ изъ разныхъ рукописныхъ сборниковъ и печатныхъ пѣсенниковъ XVIII и даже XIX в. Впрочемъ, указанія эти имѣютъ не систематическій характеръ и не могутъ вполнѣ удовлетворить того, кто желалъ бы надлежащимъ образомъ ознакомиться съ «объемомъ и содержаніемъ малорусскихъ элементовъ въ пѣсенномъ репертуарѣ XVIII в.». Въ XII главѣ приводятся записи изъ сборниковъ XVIII вѣка, сдѣланныя въ разное время владѣльцами этихъ сборниковъ. Всѣхъ записей 39. Благодаря этому фактическому матеріалу, мы получаемъ точное и вѣрное понятіе о составѣ той грамотной и полуграмотной массы, которая искала въ то время умственной и эстетической пищи. «Кого только мы не находимъ», говоритъ авторъ, «среди перечислен-

ныхъ въ записяхъ любителей старинной поэзіи? Главными любителями являются семинаристы, студенты, лица духовнаго званія; далѣе — купцы, канцеляристы, низшее офицерство и нижніе чины. Въ развитіи вкуса къ литературѣ въ массахъ заслуга этихъ лицъ, хотя и скромная — однако несомнѣнна» (305). Не совсѣмъ ясно только, почему эта глава называется: «Хранители Великорусскихъ *пѣсенъ* въ XVIII вѣкѣ», если въ составъ сборниковъ, какъ показываютъ всѣ предыдущія главы и въ особенности XI, входило огромное количество псальмъ, кантовъ и пѣсенъ малорусскихъ. Собственно говоря, судя по даннымъ, которыя мы находимъ у г. Перетца, сравнительно мало настоящихъ великорусскихъ пѣсенъ входило въ составъ рукописныхъ сборниковъ, имъ описанныхъ, поэтому для устраненія сбивчивости можно было бы дать этой главѣ болѣе точное названіе.

Мы знаемъ уже изъ XI главы, что въ великорусскихъ сборникахъ второй половины XVIII в. не мало было малорусскихъ пѣсенъ всякаго рода — искусственныхъ и народныхъ, поэтому намъ показалось страннымъ заявленіе автора въ первыхъ строкахъ XIII главы, что «въ сборникахъ второй половины XVIII в. замѣтно присутствіе малорусскихъ пѣсенъ искусственнаго происхожденія». (308). Различіе этой главы отъ XI заключается въ томъ, что въ этой послѣдней онъ говоритъ объ элементахъ пѣсенъ. если разумѣть подъ элементами оглавленіе пѣсенъ по начальному стиху каждой изъ нихъ, а здѣсь онъ останавливается на самихъ пѣсняхъ, поэтому XIII глава нѣсколько иначе называется: «Малорусскія пѣсни въ великорусскихъ сборникахъ второй половины XVIII в.». Вообще нужно сказать, что при однообразіи матеріала встрѣчаются нерѣдко повторенія разныхъ главахъ сочиненія г. Перетца, а въ самыхъ названіяхъ нѣкоторыхъ главъ недостаетъ надлежащей отчетливости. «Особенно бросаются въ глаза», говоритъ авторъ въ первомъ отдѣлѣ XIII главы, «юмористическія пѣсенки-пародіи. Одна изъ такихъ пѣсенъ такъ и остаются въ сборникахъ пѣсенъ, не переходя въ народное употребленіе, другія становятся достояніемъ великорусской народной массы и,

претерпѣвъ соотвѣтственныя измѣненія, теперь кажутся въ современныхъ намъ записяхъ совершенно утратившими слѣды своего происхожденія». (308). Къ первымъ относится весьма распространенная въ Малоруссіи пѣсня о комарѣ. Авторъ приводитъ ее по сборнику М. Грушевскаго первой половины XVIII в. и замѣчаетъ, что она находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ пѣсенъ о животныхъ, насѣкомыхъ и птицахъ. «Въ рукописи», говоритъ онъ, «она даже по ошибкѣ озаглавлена: Psalma swiatowa o weselącem się ptastwię» — заглавіе, относящееся къ неменѣе въ старину извѣстному польскому стихотворенію на Рождество Христово, вошедшему даже въ старые канціоналы. Такъ могутъ быть намѣчены элементы, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась эта вирша: пародіи, народные пѣсни и польская кантычка». (310). Но, судя по заглавію, въ польской кантычкѣ поется о weselącem się ptastwię, а не о комарѣ, и ошибка въ рукописи М. Грушевскаго не можетъ служить «элементомъ», подъ вліяніемъ котораго сложилось вирша о комарѣ. А потомъ — вирша ли это или народная пѣсня, занесенная въ сборникѣ М. Грушевскаго и Имп. Пуб. биб. Q. XIV, № 128? По нашему мнѣнію, это пѣсня, и самъ авторъ на стр. 309 называетъ ее пѣсней. Въ такомъ случаѣ выходитъ, что пѣсня о комарѣ была вторымъ «элементомъ», подъ вліяніемъ котораго сложилась та же пѣсня о комарѣ. Но такъ какъ самъ авторъ считаетъ ее пѣсней-пародіей (стр. 38), то при чемъ же тутъ пародія, какъ третій элементъ, подъ вліяніемъ котораго сложилась не то вирша, не то пѣсня о комарѣ? Конечно, и вирши, и пѣсни могутъ быть пародіей, точно такъ же, какъ вирша можетъ сдѣлаться пѣсней и изъ пѣсни можетъ образоваться вирша, но уже разъ разъяснены эти понятія, то въ вопросѣ о происхожденіи виршъ изъ пѣсенъ, и наоборотъ, нельзя смѣшивать этой терминологіи. Безъ сомнѣнія, это извѣстно самому автору, и намъ кажется, что этой путаницы не было бы, если бы онъ воспользовался своимъ собственнымъ анализомъ пѣсенъ о комарѣ изъ сборниковъ Чубинскаго и Головацкаго сравнительно съ записями прошлаго вѣка. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ онъ находитъ перво-

начальную схему пѣсни о комарѣ въ виду того, что въ ней есть мотивировка смерти комара, отсутствующая въ записяхъ, которыя, по всему вѣроятію, уклонились отъ своего прототипа. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что не пѣсни пошли отъ записей, а наоборотъ, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло не съ виршей о комарѣ, а съ народной малорусской пѣсней, искаженной записями.

Другая вирша, которую разбираетъ г. Перетцъ во второмъ отдѣлѣ XIII главы, несомнѣнно есть вирша по своему первоначальному тексту. Намъ она встрѣтилась въ сборникѣ кіевскаго церковно-археологич. музея № 489. Сборникъ принадлежалъ псаломщику Герасиму Зморовскому, который отмѣтилъ и годъ его составленія—1784. По нашему мнѣнію, кіевскій списокъ ближе стоитъ къ первоначальному тексту, чѣмъ списки, описанные г. Перетцемъ. Выписываемъ изъ кіевскаго списка вторую половину вирши:

О Боже мой единый, печальнимъ утѣха,
Возри на мя сироту, вызволь сего лиха,
Ты самъ, Боже, видиши противнихъ навѣти,
Пзволь мене у себе отъ сей злоби скрыти.
Нехай лихо та не намъ,
Нехай нашимъ ворогамъ:
Они тое знаютъ,
Що насъ осуждаютъ.
Суди, Боже, ворогамъ, нехай будуть знати,
Що я живу подъ кровомъ твоей благодати.

Благодаря стихамъ съ укороченнымъ размѣромъ въ семь и шесть слоговъ, возстановляется связь между предшествующими и двумя заключительными стихами по смежности представленій: *злоби — лихо, осуждаютъ — суди.* Связи этой недостаетъ ни въ записяхъ этой вирши по сборникамъ Имп. пуб. биб. Q. XIV №№ 128, 98, O. XIV. № II, ни въ печатныхъ текстахъ Чулкова-Новикова. Отмѣтимъ также, что, судя по данныхъ, которыя мы находимъ въ книгѣ г. Перетца, всѣ великорусскія редакціи вирши сходны между собою. Что касается до малорусскихъ устныхъ редакцій, то онѣ представляютъ амплификацію довольно значительную въ

текстахъ изъ сборниковъ Головацкаго (I т. 357 — 358) и Чубинскаго (V т. 448). О текстѣ Головацкаго г. Перетцъ вовсе не упоминаетъ, а по поводу текста Чубинскаго замѣчаетъ, что «онъ утратилъ черты искусственнаго, школьнаго употребленія даже по мнѣнію такого знатока малорусской народности, какъ покойный Потебня». На это считаемъ нужнымъ сказать, что Потебня передалъ Чубинскому свой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, мнѣнія же своего о виршѣ, которая находилась въ его сборникѣ, онъ никогда, сколько намъ извѣстно, не выражалъ. Но главное не въ этомъ, а въ самомъ выводѣ, который дѣлаетъ г. Перетцъ изъ сравненія текста вирши по сборнику Чубинскаго съ предшествующими. По его мнѣнію, она находится «въ зависимости отъ печатныхъ — Новикова и позднѣйшихъ пѣсенниковъ. Сквозь народно-малорусскую окраску здѣсь просвѣчиваютъ слѣды поздней обработки. Малорусское стихотвореніе такимъ образомъ вернулось обратно въ свою родную среду уже исправленнымъ въ великорусскихъ пѣсенникахъ» (319). При всѣхъ усиліяхъ нашихъ ничего подобнаго мы не могли увидѣть. Во-1) текстъ вирши у Новикова и другіе печатные тексты не представляютъ существенной разницы отъ рукописныхъ списковъ ея по сборникамъ Имп. пуб. биб., слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія настаивать на зависимости текста, помѣщеннаго у Чубинскаго, именно отъ печатныхъ текстовъ вирши. Во-2) въ текстѣ, переданномъ Потебней Чубинскому, есть такія прибавки, напр., два заключительные стиха, какихъ нѣтъ ни въ рукописныхъ, ни въ печатныхъ редакціяхъ ея. Единственное сходство малорусской редакціи съ великорусскими заключается въ отступленіяхъ отъ первоначальнаго текста, отражающагося въ указанной нами кіевской редакціи, но эти отступленія произошли независимо отъ вліянія сѣверныхъ редакцій на южныя, и наоборотъ. Такимъ образомъ, обратное путешествіе этой вирши съ сѣвера на югъ не доказано.

Въ третьемъ отдѣлѣ XIII главы г. Перетцъ приводитъ изъ Русской музыкальной газеты за 1825 г. искусственную пѣсню о

тещѣ и зятѣ, помѣщенную въ одномъ сборникѣ Елисаветинскаго времени. Относитъ онъ ее къ числу пѣсенъ юмористическаго содержанія, которая, «помимо языка, въ самомъ построеніи своемъ содержитъ указанія на свое школьное, искусственное происхожденіе, и притомъ на автора малорусса». (319). Построеніе это заключается въ десятисложномъ размѣрѣ пѣсни съ цезурой послѣ пятаго стиха и съ двойной риѳмой. По мнѣнію г. Перетца, — это размѣръ «обычный, заимствованный изъ польской литературы». (321). Намъ кажется это послѣднее положеніе рискованнымъ и, во всякомъ случаѣ, не доказаннымъ, поэтому оно подрываетъ силу тѣхъ соображеній автора, которыя основаны на слѣдахъ малорусскихъ особѣнностей рѣчи въ разбираемой пѣснѣ. Авторъ видитъ въ ней «малорусскую школьную обработку» великорусскаго народнаго матеріала, но при этомъ въ скобкахъ замѣчаетъ: «можетъ быть, кого-нибудь изъ бандуристовъ Елисаветинской эпохи» (326). Мы въ свою очередь должны сказать, что намъ ничего неизвѣстно, какъ бандуристы XVIII вѣка, гостившіе въ Великороссіи, обработывали поэтическіе сюжеты, если только они не пользовались готовой школьной обработкой.

XIV глава затрогиваетъ чрезвычайно важный вопросъ «о малорусскихъ пѣсняхъ въ народномъ великорусскомъ репертуарѣ». Повидимому, она имѣетъ связь съ предыдущими главами, такъ какъ авторъ въ самомъ началѣ ея замѣчаетъ, что «пѣсни (изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII в.) не остались лежать мертвымъ капиталомъ, а вошли въ народное употребленіе у великоруссовъ». (327). Затѣмъ онъ сопоставляетъ нѣсколько малорусскихъ и великорусскихъ текстовъ, изъ котораго явствуетъ, что малорусскія пѣсни усвоены великоруссами въ болѣе или менѣе значительной переработкѣ. Но такъ какъ тексты эти взяты изъ сборниковъ Чубинскаго и Соболевскаго, то изъ этого видно уже, что переработка эта не вошла въ рукописные сборники XVIII в. И дѣйствительно, въ концѣ главы авторъ приходитъ къ заключенію, что «въ народное употребленіе вошли пѣсни большею частію неизвѣстныя по рукописнымъ и печатнымъ пѣсенникамъ XVIII в.»

(333), а тѣ пѣсни, о которыхъ онъ говоритъ въ этой главѣ, усвоены Великоруссами путемъ устной передачи. Такимъ образомъ XIV глава выступаетъ изъ колеи, намѣченной авторомъ, и переноситъ вопросъ изъ сферы литературныхъ вліяній на почву бытовыхъ отношеній. Конечно, тѣ и другія часто соприкасались между собою, но задача изслѣдованія въ томъ и состоитъ, чтобы выдѣлить по возможности тѣ случаи заимствованій, въ которыхъ литературныя вліянія были посредствующимъ условіемъ. Изрѣдка авторъ указываетъ на эти явленія, напр. въ третьемъ отдѣлѣ X главы, затѣмъ въ XI главѣ онъ исчисляетъ малорусскія пѣсни по печатнымъ пѣсенникамъ, даже позднѣйшимъ. Можно было бы подумать, что эти послѣднія пѣсни, потерпѣвъ тѣ или иныя измѣненія въ письменныхъ или печатныхъ сборникахъ XVIII вѣка, записаны изъ устъ народа въ Великороссіи съ болѣе или менѣе ясными слѣдами письменной редакціи, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что позднѣйшіе пѣсенники были перепечаткой старѣйшихъ, которые въ свою очередь черпали, по словамъ г. Перетца, изъ рукописнаго матеріала. (291). Изъ этихъ данныхъ, а равно изъ записей владѣльцевъ сборниковъ, мы убѣждаемся, что струя малорусская вливалась въ поэтическій оборотъ народной великорусской массы, но какія эта струя, проходившая по письменному руслу, вносила измѣненія въ поэтическую технику великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, отразилась ли она, напр., на постройкѣ стиха этихъ пѣсенъ, какъ отразилась, по мнѣнію автора, польская струя на стихотворной техникѣ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, — объ этомъ мы ничего не находимъ въ изслѣдованіяхъ г. Перетца. Что касается того матеріала, на который онъ указываетъ въ XIV главѣ, то этотъ матеріалъ, по его собственнымъ словамъ, «не входилъ въ репертуаръ любителей и пѣвчихъ» (333), т. е. стоялъ въ сторонѣ отъ литературной дороги. Къ сожалѣнію, для изученія его почти еще ничего не сдѣлано, хотя вопросъ о немъ давно уже стоитъ въ наукѣ на очереди.

XV глава «Изъ исторіи Богогласника» даетъ матеріалъ для

изученія этой книги, первое изданіе которой относится, по Головацкому, къ 1790 году. Какъ извѣстно, въ нее вошло значительное количество стихотвореній религіознаго содержанія, составленныхъ на славяно-малорусскомъ языкѣ и извѣстныхъ по рукописнымъ сборникамъ XVIII вѣка, и вотъ авторъ въ виду этого поставилъ себѣ три задачи: 1) собрать данныя объ авторахъ, внесшихъ свой вкладъ въ Богогласникъ; 2) изучить отношеніе текстовъ Богогласника къ тѣмъ, которые сохранились въ рукописяхъ XVIII вѣка; 3) намѣтить дальнѣйшій путь религіозныхъ виршъ въ народъ.

Первую задачу разрѣшаетъ онъ вполнѣ удовлетворительно, пользуясь указаніями самого Богогласника, изъ котораго сдѣланы соотвѣтствующія выписки во второмъ отдѣлѣ XV главы.

Вторая задача сложнѣе. «Не желая обременять себя и читателей безполезной работой свѣрки всѣхъ переработокъ», имѣющихся въ Богогласникѣ, авторъ ограничивается «лишь шестью примѣрами». (349). Въ числѣ этихъ шести псальмъ Богогласника онъ обѣщаетъ разобрать и ту псальму, которая начинается словами: «Доколѣ, уме пернаты». Мы имѣемъ нѣсколько старинныхъ списковъ этой псальмы, поэтому она интересовала насъ болѣе другихъ, но разбора ея мы не нашли въ книгѣ г. Перетца. А между тѣмъ матеріалъ для этой псальмы былъ у него подъ рукой (См. т. II, стр. 30, 92, 100). Что касается до остальныхъ пяти псальмъ, то «наиболѣе простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удобнымъ по своей наглядности пріемомъ для обнаруженія, какъ пользовались составители Богогласника неисправными старыми текстами», онъ считаетъ «сравненіе старшихъ текстовъ, восходящихъ къ XVII в. въ малорусскихъ и великорусскихъ сборникахъ, съ тѣмъ, что даетъ Богогласникъ». (349). Дѣйствительно, ничего не можетъ быть проще этого пріема, тѣмъ болѣе, что сами составители Богогласника откровенно высказались на счетъ того, какъ они будутъ поступать съ готовымъ матеріаломъ. По собственнымъ словамъ ихъ, они считали нужнымъ «елико можно, исправляти, слоги стихомъ изобрѣтати, многая пова ветхимъ при-

лагати». Г. Перетцу оставалось только убѣдиться въ томъ, исполнили ли они свое обѣщаніе. Оказалось, что старыя псальмы въ редакціи Богогласника подверглись всѣмъ этимъ операціямъ. Какъ опытные стилисты, составители Богогласника, по наблюденію г. Перетца, устранили неловкіе обороты и ошибки (366), заботились о чистотѣ языка (355), вносили въ текстъ псальмъ стройность и послѣдовательность (ib.), то распространяли, то сокращали этотъ текстъ (333), а чтобы «не отторгнуть народа нововведеніями, они оставляли начальные стихи въ старой редакціи, внося измѣненія лишь въ средину псальмы и ближе къ концу ея». (384). Все это такъ. Но гдѣ же та движущая нравственная сила, которая управляла этимъ стилемъ? Объ этомъ въ книгѣ г. Перетца нѣтъ ни слова. Заканчиваетъ онъ свои стилистическія наблюденія надъ Богогласникомъ бѣглыми замѣтками въ такомъ родѣ: «въ Богогласникѣ мы имѣемъ литературную обработку псальмы» (389), или же: «въ Богогласникѣ сочинены вновь двѣ строфы» (390). Конечно, и эти замѣтки не безполезны для справокъ, но онѣ имѣли бы надлежащую цѣнность только тогда, если бы обнимали весь матеріалъ Богогласника, усвоенный изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII в.

Еще одно замѣчаніе по поводу рождественской псальмы: «Предвѣчный родися подъ лѣты». Авторъ приводитъ ее въ наиболѣе исправной и полной редакціи по рукописи первой половины XVIII в. Виленской пуб. биб. 233 со всѣми варіантами по сборникамъ М. Грушевскаго, Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141, Безсонова и кн. Вяземскаго. Сопоставляя ее съ текстомъ Богогласника, онъ останавливается на томъ обстоятельствѣ, что составители его отнесли эту псальму къ разряду «простшихъ», служащихъ пѣвцамъ «вмѣсто не богоугодныхъ обычныхъ колядъ». (374). Причину такого мнѣнія ихъ объ этой псальмѣ онъ видитъ въ апокрифическихъ элементахъ ея. И дѣйствительно, они устранили въ редакціи Богогласника одинъ апокрифическій эпизодъ псальмы. Намъ кажется, однако же, что едва ли по этой причинѣ они считали эту псальму «простшей». Если бы это было

такъ, то они устранили бы и слѣдующіе сохраненные ими стихи псальмы:

Смутятся всѣ І родіане,
Крушатся въ Египтѣ болване.

По нашему мнѣнію, составители Богогласника считали эту псальму «простшею» потому, что слышали ее въ «не богоугодной» формѣ «обычныхъ колядъ». Мы можемъ судить объ этой формѣ на основаніи записи этой псальмы-колядки на украинскомъ полѣсьѣ, гдѣ иногда начинается она слѣдующими словами:

А в печі пироги сиділи,
Вони собі горе претерпіли,
Я до печі приступав,
По одному витягав,
Поки були.
У печі пирогів не стало,
Я поліз на гору по сало
И там сала не дістав,
Зъ драбиною з гори впав,
Забився.

(Співанник з початку XVIII в. М. Грушевс. Записки Наук. товар. имени Шевченка, т. XVII, 95 — 96).

Третья задача совсѣмъ не рѣшена. Въ общемъ оглавленіи къ книгѣ сказано, что въ самомъ концѣ XV главы будетъ рѣчь о «заимствованіяхъ изъ Богогласника въ устахъ Малороссовъ и Бѣлоруссовъ». На соотвѣтствующихъ страницахъ XV главы (390 — 393), дѣйствительно, затронута эта тема, но, какъ говоритъ самъ авторъ, «мы можемъ назвать лишь ничтожное сравнительно со всей массой (виршъ) количество такихъ заимствованій.» (390). Слѣдуя указаніямъ III тома Трудовъ этнографич. экспедиціи Чубинскаго, авторъ даетъ всего 10 примѣровъ, но и эти примѣры въ большинствѣ случаевъ не подходящіе. Такъ, для псальмы № 55 по III т. Чубинскаго указаны польскіе первоисточники, о Богогласникѣ же вовсе не упоминается. Для извѣстной колядки у Чубинскаго № 59 «Нова рада стала» указана

въ Богогласникѣ № 22 соотвѣтствующая псальма, но нѣтъ никако возможности доказать, что колядка произошла изъ псальмы въ редакціи Богогласника. О нѣкоторыхъ колядкахъ самъ авторъ замѣчаетъ, что онѣ стоятъ независимо отъ Богогласника: таковы, напр., колядки изъ III т. Чубинскаго № 87, № 95. Вообще же всѣ наблюденія его сводятся къ тому, что не мало есть колядокъ (указаны по Чубинскому номера), которыя «носятъ слишкомъ ясные слѣды искусственнаго происхожденія». (392). Но вѣдь противъ этого никто и никогда не спорилъ. Дѣло заключается не въ «рукописныхъ тетрадкахъ», которыя въ большей или меньшей мѣрѣ давали матеріалъ Богогласнику, начиная съ перваго изданія его, а въ самомъ Богогласникѣ, насколько онъ оказывалъ вліяніе на распространеніе въ народѣ псальмъ исправленныхъ и переработанныхъ. По нашему мнѣнію, матеріалъ для разъясненія этого вопроса можно было бы найти на уніатской почвѣ, въ Галиціи.

XVI глава представляетъ нѣсколько данныхъ «къ вопросу о репертуарѣ стиховъ у старообрядцевъ». Въ вводныхъ страницахъ къ этой главѣ сдѣлано нѣсколько замѣчаній о появленіи новыхъ литературныхъ теченій въ лицѣ Ломоносова, Сумарокова и другихъ второстепенныхъ поэтовъ XVIII вѣка, «давшихъ *новые* образцы религіозной поэзіи». (394). Авторъ не объясняетъ намъ, что было въ этихъ образцахъ *новаго*, кромѣ тоническаго стиха, а между тѣмъ это очень важно, потому что, говоря *о новомъ*, онъ поневолѣ увидѣлъ бы, что возникло оно на старой почвѣ виршевой поэзіи и усвоило изъ нея многія черты, какъ внѣшнія стилистическія, такъ и внутреннія — идейныя. Не говоря уже о сатирахъ Кантемира, написанныхъ такимъ же силлабическимъ размѣромъ, какъ и вирши, есть много сходства съ этими послѣдними и въ одахъ Ломоносова, даже Державина. Для историческаго пониманія литературнаго значенія виршъ, по нашему мнѣнію, были бы не излишни указанія на точки соприкосновенія ихъ съ верховымъ теченіемъ литературнымъ: тогда была бы очевидна связь и преемственность литературныхъ явленій, и самое это новое литературное движеніе не было бы тѣмъ, что обыкно-

венно называется deus ex machina, предъ которымъ старинныя вирши опустились изъ среднихъ слоевъ общества въ низшіе, при чемъ, однако же, «и въ этой средѣ замѣчается», какъ говоритъ г. Перетцъ, «новое вѣяніе: кое-гдѣ въ сборникахъ на ряду съ силлабическими стихотвореніями попадаются уже оды Ломоносова» (395). Какъ бы то ни было, оставляя въ сторонѣ обмѣнъ этихъ новыхъ вѣяній съ старыми, слѣдитъ онъ за этими послѣдними «въ средѣ старообрядцевъ, которые выгодно отличались отъ простой народной массы грамотностью и большими литературными запросами». (396). Пользуясь рукописями Имп. пуб. библіотеки, Импер. Общес. любит. древ. письменности и въ особенности сборниками старообрядческихъ псальмъ Синодальнаго архива, онъ дѣлаетъ длинный списокъ любимыхъ старообрядцами пѣсенъ-виршъ (отъ 397 до 409 страницы) и думаетъ, что этотъ списокъ «можетъ дать нѣкоторыя основанія для сужденія о томъ, чѣмъ пользуются старообрядцы изъ стараго пѣсеннаго матеріала, а что привносятъ своего новаго». (409). Впрочемъ, изъ списка не видно, что «привносятъ они своего новаго». Судить объ этомъ, и то отчасти только, можно изъ заключительныхъ страницъ XVI главы, гдѣ предложенъ болѣе подробный обзоръ нѣкоторыхъ стиховъ, вошедшихъ въ этотъ списокъ, съ выпиской значительныхъ отрывковъ и цѣлыхъ стихотвореній, изображающихъ «внутреннюю и внѣшнюю жизнь обитателей скитовъ». (409 — 418). Смотритъ авторъ на эту заключительную главу своего сочиненія, «лишь какъ на опытъ систематизаціи до сихъ поръ разбросаннаго матеріала». (418). Можно пожалѣть только, что не отмѣчена хронологія рукописей, изъ которыхъ извлеченъ этотъ матеріалъ.

Мы прослѣдили изъ главы въ главу ходъ мыслей въ изслѣдованіяхъ г. Перетца, представляющихъ, судя по заглавію всего сочиненія, какъ бы отрывокъ «изъ исторіи русской пѣсни». Хронологически этотъ отрывокъ обмежованъ концомъ XVI и

началомъ XIX вѣка. Эти хронологическія рамки даютъ всѣмъ наблюденіямъ и соображеніямъ г. Перетца историческій видъ, но есть ли въ нихъ настоящая исторія въ смыслѣ изображенія внутренней зависимости однихъ явленій отъ другихъ? По нашему мнѣнію, ея нѣтъ, да и быть не могло ея тамъ, гдѣ авторъ въ анализѣ древнѣйшихъ памятниковъ русской искусственной поэзіи «остановился пока», какъ говоритъ онъ въ предисловіи, «на чисто формальномъ разсмотрѣніи ея». Мы уже видѣли несостоятельность масштаба, который прилагаетъ г. Перетцъ къ формамъ народнаго малорусскаго стиха, подсчитывая въ немъ слоги и выводя его изъ польскаго силлабическаго размѣра. Но если бы и въ самомъ дѣлѣ этотъ масштабъ былъ вѣренъ, то можно ли пускаться съ нимъ въ безбрежное море малорусскихъ виршъ и въ безконечныя видоизмѣненія ихъ по разнымъ сборникамъ малорусскимъ и великорусскимъ? Стихъ съ его формальной стороны, независимо отъ содержанія его, заключающагося въ поэтическихъ образахъ и настроеніяхъ, навѣянныхъ жизнью, не есть надежный руководитель. Конечно, онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе и самъ по себѣ, но пріобрѣтаетъ авторитетную силу только въ связи съ умственными запросами общественной жизни, для которыхъ служитъ выраженіемъ. Такіе запросы въ концѣ XVI в. появились въ югозападной Руси, которая подъ вліяніемъ историческихъ условій того времени должна была создать новыя формы мысли и слова съ болѣе широкими горизонтами и въ то же время своенародныя, болѣе близкія къ пониманію и чувству народа. Такіе же запросы во второй половинѣ XVII в. появились и въ московской Руси, вызывавшей югозападныхъ ученыхъ. И они появились въ ней съ своими знаніями и своимъ искусствомъ, которое состояло не только въ умѣньи слагать вирши, но и влагать въ нихъ болѣе или менѣе значительное содержаніе. Не въ томъ только заключается заслуга Симеона Полоцкаго, что онъ сочинилъ «риѳмотворную» псалтирь, но и въ томъ, что онъ, какъ домашній учитель царевича Ѳедора Алексѣевича, въ виршахъ своихъ указывалъ своему воспитаннику на образцы просвѣщен-

ныхъ правителей, которые примѣромъ своимъ возбуждаютъ въ подданныхъ своихъ любовь къ мудрости.

Франтискъ именемъ первый краль Францiйскiй бяше,
Сей яко писаніе и мудрость любяше...
И бысть въ малѣ времени мудрость разширенна,
Образомъ краля во вся земли умноженна.

Мудрость же нужна, по мнѣнію Симеона Полоцкаго, «для благихъ нравовъ»:

«Благо убо есть царству», заканчиваетъ онъ свою виршу, «егда благи нравы
Царствуяй воспріемлетъ ради всѣхъ исправы». [1])

Въ чемъ же эти «благи нравы» правящихъ лицъ?

Въ томъ, говоритъ Симеонъ Полоцкій, чтобы

«Бремя поддапныхъ крѣпостно носити,
Не презирати, не за псы имѣти,
Паче любити, яко своя дѣти,
И то въ памяти выну содержати,
Яко земля тѣхъ и его есть мати».

Правители не должны «уповати на одинъ свой умъ», — они должны «выну вопрошати умныхъ совѣта», ибо

«Во мнозѣ совѣтѣ есть спасеніе,
Въ единомъ умѣ поползновеніе».

Они должны «равно судити мала и велика....

Единъ судъ буди
Всѣмъ, иже въ единой области суть люди» [2])...

Мы указываемъ на Симеона Полоцкаго мимоходомъ, какъ на одного изъ представителей высшаго порядка идей въ великорусской средѣ, которая увлекалась не однимъ стихотворнымъ размѣромъ виршъ, но и новыми мотивами мысли и чувства, выступавшими въ виршахъ. Нельзя сказать, чтобы авторъ совсѣмъ не обращалъ вниманія на эти мотивы, но они у него стоятъ на зад-

1) Историческая христоматія Буслаева. 1194.
2) Исторія Россіи Соловьева, т. XIII, стр. 189 — 190.

немъ планѣ и почти не входятъ въ сравнительный анализъ виршъ по разнымъ рукописямъ. Оттого-то анализъ этотъ не проникаетъ дальше внѣшней стороны передвиженія поэтическаго матеріала изъ страны въ страну, при чемъ иногда причиной передвиженія считаются такіе литературные факты, которые стояли внѣ всякой этнографической и исторической связи съ самимъ передвиженіемъ. Такъ, напр., авторъ заявляетъ, что «переработки (рукописныхъ виршъ) чрезъ печатные Богогласники распространяются въ концѣ XVIII в. въ народѣ (конечно, малорусскомъ, но неизвѣстно, среди уніатовъ или православныхъ) и вытѣсняютъ рукописные сборники псальмъ (неизвѣстно, откуда), которые сохраняются во второй четверти XIX ст. почти исключительно въ старообрядческой средѣ» (423). Трудно понять, какимъ образомъ то, что происходило на уніатской почвѣ, проскочивъ чрезъ православную малорусскую массу, оказало свое воздѣйствіе въ старообрядческой великорусской средѣ.

Такимъ образомъ, главная мысль въ сочиненіи г. Перетца о «малорусскомъ вліяніи на великорусскую народную и искусственную поэзію XVIII вѣка», мысль, нужно сказать не новая въ наукѣ, не захвачена въ ея существенныхъ историческихъ моментахъ и обставлена цѣлымъ рядомъ параллелей и сближеній, возбуждающихъ историческія недоразумѣнія, которыхъ не мало собрано на послѣднихъ страницахъ первой книги, озаглавленныхъ словами: «Нѣсколько выводовъ».

Такъ, одинъ изъ этихъ выводовъ тотъ, что «новая русская поэзія, народившаяся въ югозападной Руси, была продуктомъ западнаго, польскаго вліянія, какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія» (419). О формѣ, о степени ея самостоятельности или несамостоятельности, мы уже говорили выше. Но что сказать о содержаніи? Конечно, югозападная Русь усвоила многое въ этомъ отношеніи изъ польской литературы, но это многое она переработала по своему, и если бы авторъ развилъ эти мысли съ достаточной полнотой, то не пришлось бы ему чрезъ двѣ страницы высказать мысли, не совсѣмъ согласныя съ тѣмъ, что ска-

зано раньше. Вотъ эти мысли: «Что касается до содержанія старшихъ памятниковъ малорусской искусственной поэзіи, (то) мы можемъ замѣтить въ нихъ явную патріотическую тенденцію — возвеличить и возвысить народныхъ южнорусскихъ героевъ, защитниковъ православія и народности, чѣмъ и объясняется сильно замѣтный панегирическій тонъ эпиграммъ и посвященій разнымъ магнатамъ малорусскимъ и литовскимъ. Историческія событія XVI — XVII вв., полныя захватывающаго драматизма, также нашли откликъ въ рядѣ искусственныхъ виршъ, по оборотамъ рѣчи, символикѣ и тенденціямъ близкихъ къ народной поэзіи» (421). Замѣчательно, что этихъ именно виршъ историческаго содержанія, за исключеніемъ двухъ XVII и одной XVIII в., совсѣмъ не касается авторъ, слѣдовательно, онъ дѣлаетъ выводъ о близости ихъ къ народной поэзіи, не подготовивъ надлежащимъ образомъ данныхъ. Точно также нѣтъ никакихъ данныхъ въ книгѣ г. Перетца и для другого вывода, слѣдующаго за предыдущимъ. «Чѣмъ болѣе», говоритъ онъ, «мы подходимъ къ концу XVII вѣка, тѣмъ болѣе вырабатывается внѣшность малорусской искусственной поэзіи и — обратно пропорціонально — падаетъ ея художественное и историческое значеніе: она отдаляется отъ народной жизни, теряетъ чутье къ пониманію значенія историческихъ событій и становится игрушкой въ рукахъ многоученаго класса бурсаковъ — будущихъ учителей піитики и тому подобныхъ оффиціальныхъ стихотворцевъ» (422). Для подтвержденія этого мнѣнія онъ ссылается въ подстрочномъ примѣчаніи на вирши о гетманѣ Мазепѣ, въ которыхъ онъ изображается то какъ благодѣтель и покровитель кіево-могилянскаго коллегіума, то какъ измѣнникъ Петра Великаго (іб). По поводу этого замѣтимъ: 1) что гетманъ Мазепа дѣйствительно былъ и тѣмъ и другимъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разные авторы въ разныхъ виршахъ изображаютъ его не одинаково; 2) вирши о Мазепѣ, которыя имѣетъ въ виду авторъ, составлены были не въ концѣ XVII, а въ первыя два десятилѣтія XVIII вѣка; 3) мнѣніе автора не совсѣмъ согласуется съ тѣмъ, что онъ говоритъ ниже объ оживленіи школьной поэзіи именно

въ началѣ XVIII в. Да и самое оживленіе это является совершенною неожиданностію послѣ того, что сейчасъ сказано было объ ея упадкѣ. Почему она оживилась, обогатившись внесеніемъ сатирическаго элемента? Почему школьные поэты пользуются народной символикой, приближая свои произведенія къ народной малорусской рѣчи? Такъ какъ въ книгѣ г. Перетца нѣтъ анализа этой «оживленной» поэзіи, то всѣ эти положенія высказаны голословно на основаніи постороннихъ изслѣдованій, на которыя нѣтъ ссылокъ. Къ такимъ же выводамъ, не обоснованнымъ историческими аргументами, мы причисляемъ и мнѣніе его о томъ, что «подъ руками уніатовъ-базиліанъ создается особая разновидность церковно-славянскаго языка съ отпечаткомъ слѣдовъ малорусской рѣчи, преимущественно въ фонетикѣ и словарѣ» (422). Сказано это по поводу виршевого матеріала, имѣющагося въ Богогласникѣ, напечатанномъ въ концѣ XVIII в. Но разные типы литературной малорусской рѣчи выработаны были гораздо раньше появленія Богогласника[1]).

Намъ остается еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній о второй части сочиненія г. Перетца, состоящей, какъ мы сказали выше, изъ описанія рукописныхъ сборниковъ, которыми пользовался авторъ въ первой части, а также изъ извлеченій рукописнаго матеріала изъ старопечатныхъ книгъ и рукописей.

«Въ виду того», говоритъ г. Перетцъ въ предисловіи ко второй части, «что памятниковъ свѣтской малорусской поэзіи XVIII в. извѣстно немного, считаю не безполезнымъ дать здѣсь всѣ тѣ пѣсни, которыя носятъ хотя бы слабые слѣды малорусскаго происхожденія въ языкѣ и размѣрѣ». По этому поводу считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то, что въ первой части сочиненія г. Перетца пересказано вкратцѣ содержаніе одиннадцати малорус-

---

1) См. объ этомъ книгу нашу «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в»., 1889 г.

скихъ виршъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Имп. Ак. н. (ib. 6. 29)., изъ которыхъ одна напечатана тамъ же полностію, а девять напечатано во второй части, значитъ, недостаетъ одной—той именно, въ которой авторъ обращается къ Венерѣ съ просьбой помочь ему. Это сборникъ Дзюбаревича 1728 — 1730 гг. Въ немъ, между прочимъ, помѣщены древнѣйшіе варіанты нѣкоторыхъ любовныхъ виршъ, напечатанныхъ у Головацкаго. Мы замѣтили двѣ такія вирши: «Мизерия на сем свѣтѣ, ах мнѣ мизерному», см. Голов. т. III, стр. 374, и «Въ смутной хвилѣ, въ смажной долѣ», Голов. т. I, стр. 371. Уже изъ этого видно, какъ важны эти вирши для сопоставленія съ позднѣйшими потомками ихъ и для изученія стилистическихъ особенностей малорусскаго творчества, поэтому мы считаемъ вполнѣ удачной мысль г. Перетца собрать матеріалъ для этого изученія по рукописямъ XVIII вѣка, которыми онъ пользовался. На первый разъ собрано 39 виршъ любовнаго содержанія — девять изъ сборника Дзюбаревича, остальныя изъ пяти сборниковъ второй половины XVIII в. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ сборникѣ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 127 есть стихотвореніе о взятіи Очакова (см. описаніе этого сборника во второй части, стр. 109), поэтому составленіе его едва ли можно отнести къ половинѣ XVIII вѣка, какъ думаетъ г. Перетцъ.

Не менѣе важный матеріалъ во второй части сочиненія г. Перетца представляютъ «тексты старшихъ памятниковъ югозападной виршевой литературы, извлеченные изъ старопечатныхъ изданій конца XVI и начала XVII в. до появленія въ свѣтъ грамматики Мелетія Смотрицкаго». Не совсѣмъ только понятно для насъ, почему предѣльною чертою этихъ памятниковъ поставленъ 1619 годъ, когда напечатана была первымъ изданіемъ грамматика Мелетія Смотрицкаго, не имѣвшая, какъ утверждаетъ самъ г. Перетцъ, никакого вліянія ни на содержаніе, ни на форму виршевой литературы, а между тѣмъ рѣшительныя мнѣнія автора о малорусскомъ стихотворствѣ въ теченіе всего XVII вѣка, повидимому, должны были бы расположить его къ болѣе обширному подбору соотвѣтствующаго матеріала. Но и въ границахъ, отмѣ-

ченныхъ авторомъ, нѣтъ надлежащей полноты, такъ какъ о нѣкоторыхъ памятникахъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ ни въ первой, ни во второй части своего сочиненія, напр., о «Бесѣдѣ избранной», изданной въ Львовѣ въ 1609 г. (см. Голубева Исторія кіевской Академіи, стр. 311), или же о «Плачѣ або Ляментѣ по зестю з свѣта сего Григорія Желяборскаго», изданномъ тоже въ Львовѣ въ 1615 г. (Библ. Румянц. музея), — о другихъ же упоминаетъ въ IV главѣ первой части сочиненія мимоходомъ, не приводя образцовъ изъ нихъ, напр., о «Ляментѣ дому княжатъ Острозскихъ», 1603 г., или объ извѣстномъ «Вѣзерункѣ цнотъ Елисея Плетенецкаго», 1618 г. Можно бы пожелать также, чтобы изданіе текстовъ снабжено было историческимъ и историко-литературнымъ комментаріемъ, но это, очевидно, не входило въ программу автора, имѣвшаго въ виду главнымъ образомъ формальную сторону югозападнаго стихотворства.

Что касается до описанія рукописныхъ сборниковъ, составляющаго большую половину второй части сочиненія г. Перетца, то здѣсь недостаетъ многаго.

Начать съ того, что описываются они и въ первой, и во второй части, поэтому цѣльнаго впечатлѣнія не производятъ. Чтобы составить объ этихъ сборникахъ болѣе или менѣе ясное представленіе, нужно сводить въ одно цѣлое отдѣльныя черты ихъ, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ двухъ книгъ. Такъ, напр., въ описаніи сборника синод. архива № 601 нѣтъ указанія, кому принадлежалъ сборникъ, а помѣщено оно въ первой части на стр. 305, откуда узнаемъ мы, что составлялъ онъ собственность крестьянина Осипа Иванова сына Трухина. Въ описаніи сборника Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 128 упомянуто только, что онъ принадлежалъ какому-то новгородскому купцу, а потомъ студенту Богословія Орлову, то же самое отмѣчено и въ первой части на стр. 301, но во второй части, при описаніи сборника, нѣтъ самой характерной записи о томъ, что первоначально принадлежалъ онъ Леонтію Михайлову, который продалъ его ученику новгородской семинаріи Афанасію Гаврилову, «безденежно и безплатно для

любови», въ чемъ и подписался Михайловъ своею рукою 1768 года». Запись эта помѣщена въ первой части на стр. 299, во второй же части глухо сказано только, что сборникъ этотъ половины XVIII вѣка, т. е. не отмѣчена точная хронологическая дата, имѣющаяся въ сборникѣ. Точно такъ же въ описаніи сборника Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 (Q стоитъ въ оглавленіи къ описаннымъ сборникамъ и въ первой части, стр. 300, а въ самомъ описаніи — О) сказано, что это три сборника, написанные полууставомъ XVIII в. Судя по заключительной записи, помѣщенной въ описаніи на стр. 72, эти три сборника переплетены въ одну книгу. Въ первой части этой книги, говоритъ г. Перетцъ, «кое-гдѣ малорусскій почеркъ», значитъ, можно догадываться, что она написана не однимъ почеркомъ. Вторая часть, какъ значится въ описаніи, писана Поморковымъ. О третьей части сказано только, что она писана четкимъ полууставомъ, а въ концѣ приводится запись: «продал коипестъ (копіистъ?) государственной юстъ-коллеги (sic) 1772 октября 6» и затѣмъ слѣдуетъ «разсчетъ стоимости *всего* сборника». При всемъ изобиліи данныхъ, относящихся къ этому сборнику, принадлежавшему нѣкогда Буслаеву, мы остаемся въ неизвѣстности, весь ли сборникъ переписанъ по заказу Розова, или же только нѣкоторыя части его, а Розовъ переплелъ и продалъ его въ 1772 г. Можно и такъ думать, что заказчикомъ былъ болѣе ранній владѣлецъ сборника, отмѣтившій болѣе раннюю хронологическую дату его. Въ первой части сочиненія г. Перетца читаемъ еще одну запись, относящуюся къ этому сборнику и помѣщенную во второй части: «Сіі псальмы московскаго купца Ильи Томилина, 1747 году, Октября 20 дня ехал изъ Москвы нижъ» (300). Для уясненія физіономіи сборника запись эта была бы совсѣмъ не лишняя въ описаніи его. Вообще о владѣльцахъ рукописныхъ сборниковъ нужно справки дѣлать въ XII главѣ первой части сочиненія г. Перетца, гдѣ онъ собралъ данныя для характеристики общественныхъ слоевъ, неравнодушныхъ къ стихотворному искусству, хотя и въ XII главѣ нѣтъ иногда этихъ данныхъ: если онѣ понадобились автору для другой

цѣли, то онъ помѣщаетъ ихъ неожиданно въ другомъ мѣстѣ. Такъ, въ описаніи сборника Имп. Ак. Н. № (16. 6. 29) нѣтъ записей и приписокъ къ этому сборнику. Нѣтъ ихъ и въ XII главѣ, а онѣ оказываются въ IX главѣ, повидимому, для характеристики личности Дзюбаревича, о которомъ мы говорили выше. Въ виду всего этого нужно не мало употребить усилій для изученія сочиненія г. Перетца, чтобы пользоваться всѣми цѣнными матеріалами, имъ напечатанными.

Переходимъ затѣмъ къ самому составу описаній.

Всѣхъ сборниковъ описано 12, въ томъ числѣ 2 старообрядческихъ.

Основной пріемъ въ описаніи каждаго изъ нихъ вполнѣ цѣлесообразный: отмѣчается обыкновенно листъ или оборотъ листа, на которомъ начинается стихотвореніе, и приводятся два-три стиха всегда изъ начала, иногда изъ начала и конца, иногда же изъ начала, средины и конца стихотворенія. Для характеристики языка стихотвореній дѣлаются выписки отдѣльныхъ словъ съ фонетическими или морфологическими особенностями то церковнославянскими, то польскими, то малорусскими. Впрочемъ, только въ описаніи трехъ сборниковъ встрѣчаются эти выписки, которыя авторъ называетъ «замѣчаніями о языкѣ псальмъ». Въ описаніи нѣкоторыхъ сборниковъ есть указанія на варіанты заключающихся въ нихъ стихотвореній. Нѣтъ надобности говорить о чрезвычайной важности этихъ указаній, если бы они сдѣланы были для всѣхъ сборниковъ, но они имѣются только въ описаніи двухъ сборниковъ — кн. Вяземскаго Q. № LXXXII и Виленск. пуб. биб. № 233 (15), и то въ послѣднемъ ссылки сдѣланы на одинъ Богогласникъ, и притомъ неполныя: не отмѣченъ, напр., варіантъ 30-й пѣсни, въ Богогласникѣ № 134.

Таковы въ общихъ чертахъ описательные пріемы г. Перетца. Не смотря на неровность примѣненія ихъ къ описываемому имъ матеріалу, въ результатѣ получилось то, къ чему стремился авторъ — дать понятіе «о постоянномъ, такъ сказать, центральномъ содержаніи» рукописныхъ сборниковъ и о самихъ

типахъ этихъ сборниковъ. Такихъ типовъ, по счету автора, оказалось шесть:

1) Сборники духовнаго содержанія—прототипы Богогласника.

2) Сборники смѣшаннаго содержанія, съ привнесеніемъ свѣтскаго элемента.

3) Сборники съ рѣзко отмѣченной разницей между псальмами и кантами.

4) Сборники народныхъ пѣсенъ по преимуществу.

5) Сборники свѣтскаго содержанія, съ преобладаніемъ пѣсенокъ искусственнаго, литературнаго происхожденія.

6) Сборники, составленные старообрядцами изъ любимыхъ или «душеполезныхъ стиховъ».

Но, кромѣ типическихъ особенностей, старинныя рукописи имѣютъ еще, такъ сказать, индивидуальныя, состоящія не только изъ внѣшнихъ признаковъ рукописныхъ сборниковъ (начертаніе буквъ, почеркъ и правописаніе), но и изъ внутреннихъ (записи и приписки, выборъ матеріала въ связи съ личностями составителей и идеями вѣка). И тѣ, и другія не оставлены безъ вниманія г. Перетцемъ, но, мы видѣли, въ разрозненномъ видѣ и тоже неравномѣрно. Такъ, если соединить то, что сказано въ IX главѣ первой части о рукописномъ сборникѣ Имп. Ак. Н. № (16. 6. 29), съ описаніемъ его во второй, то получится довольно полное и наглядное представленіе о немъ. А между тѣмъ въ той же первой части о не менѣе важной рукописи XVII в. говорится такъ, что тотъ, кто не видѣлъ ея, составитъ о ней самое смутное понятіе. Мы разумѣемъ рукопись кіево-михайловс. монастыря подъ № 529 (1623), изъ которой авторъ приводитъ текстъ одной воскресенской вирши. «Попутно», какъ онъ выражается, останавливается онъ на нѣкоторыхъ особенностяхъ въ начертаніи буквъ той части рукописи, которая относится къ XV вѣку. (85). Зачѣмъ это, когда воскресенская вирша помѣщена въ той части рукописи, которая относится къ началу XVII вѣка и отличается совсѣмъ инымъ начертаніемъ буквъ? Затѣмъ выписана запись

переписчика Авраама Бѣлобородскаго, который написалъ собственно Учительное евангеліе въ 1604 г. въ городѣ Петигорахъ. По нашему мнѣнію, для характеристики этой послѣдней части рукописи можно было бы указать на то, что каждому поученію въ ней предшествуетъ текстъ дневного евангелія, переведеннаго на малорусскій языкъ, довольно близкій къ народному, и что есть въ ней даже переводы чтеній изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, напр. изъ пророка Исаіи, наконецъ на то, что въ самыхъ поученіяхъ ярко отразились нравы культурнаго общества того времени[1]). Заканчиваетъ переписчикъ свой трудъ словами: «ра^д пи̏сарь̀ послѣ^дней стр̀оци», — и такъ какъ написалъ онъ эту строку 9 марта, то въ предчувствіи наступающихъ праздниковъ Воскресенія Христова прибавляетъ: «потомь' спѣ̀вай» и выписываетъ воскресенскую виршу.

Конечно, не во всякой виршѣ можно найти матеріалъ такого рода, но намъ кажется, что для возстановленія характерныхъ ея особенностей можно было бы въ описаніи ея выписывать изъ нея стихотворенія въ какомъ-нибудь отношеніи важныя и оригинальныя, если не цѣликомъ, то въ значительныхъ отрывкахъ. Таково, напр., стихотвореніе въ сборникѣ Имп. Ак. Н. № (16. 6. 9), начинающееся словами: «Ой Боже мой милостивый, | Возри на плачь мой ревнивый»: начало то же, что въ извѣстномъ «Плачѣ Малой Россіи», по поводу котораго писали Петровъ и Максимовичъ [2]). Варіантъ этого стихотворенія есть въ рукописномъ сборникѣ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 :«Ах мой Боже милостивы, | Возри на плачь мой ревнивы». Г. Перетцъ замѣчаетъ,

---

1) Приводимъ нѣсколько строкъ изъ наставленія священнику, что онъ долженъ говорить и какъ долженъ поступать при обрядѣ вѣнчанія: «пыта'юся ва^с ѐсли по любостѝ тую кра^с ную̃ панну̀ за себе берешь. По тому^ж й ва^с красная̃ пан'но пытаю̃ ѐсли же по любости а^з не примушенія̀ родителей свои^х за сего почти̇ваго панича̀ 'идешь. а^к гды ю^ж при^зволять ѿбѣдвѣ стороны и^ж по любости̇, теды далѣй до пна маѐшь мовити ѡ̀рацѣю в^з тыи̇ слова̀»...

2) Издано въ Основѣ 1861 г. май, въ кіевскихъ епарх. вѣдом. 1865 г. № 18, въ Трудахъ кіевской дух. академіи 1872 г., іюнь.

что это церковно-славянскій переводъ съ польскаго. Если это то же самое стихотвореніе, что «Плачь Малой Россіи», направленное противъ любителей польскихъ порядковъ, то мы сомнѣваемся, чтобы это былъ *переводъ* съ польскаго. Если же не одно и то же, то любопытно прослѣдить, какъ составители патріотическихъ стихотвореній, проникнутыхъ антипатіей къ Польшѣ, пользовались фразеологіей польскихъ оригиналовъ. Такихъ и подобныхъ стихотвореній, любопытныхъ въ томъ или другомъ отношеніи, не мало нашлось бы въ рукописныхъ сборникахъ, описанныхъ г. Перетцемъ. Такъ, въ сборникѣ Имп. пуб. биб. О. XIV, № 11 есть значительное количество великорусскихъ народныхъ пѣсенъ и между ними пѣсня о Ермакѣ, сидящемъ въ неволѣ у турецкаго султана. Въ сборникѣ Имп. пуб. биб. О. XIV, № 128 не менѣе любопытны пѣсни не народнаго происхожденія, напр. «Всякому зла мука подъячимъ то быть, | Не малая скука крапивою слыть» или же: «Вси люди живутъ, какъ цвѣты цвѣтутъ, — А семинаристъ, какъ осенній листъ». Пѣсни эти пользовались, какъ видно, особенной популярностію, потому что варіанты ихъ встрѣчаются и въ другомъ сборникѣ Имп. Ак. Н. № (16. 6. 32): здѣсь же и другая пѣсня, изображающая, судя по начальнымъ стихамъ, школьные порядки того времени: «Житье въ школѣ не по насъ, | Въ одинъ день сѣкутъ не разъ».

Намъ могутъ возразить по поводу послѣднихъ нашихъ соображеній, что это расширеніе матеріала могло бы увеличить объемъ приложеній, составляющихъ вторую часть сочиненія г. Перетца. На это мы считаемъ нужнымъ отвѣтить, что она, сравнительно съ первою частью, и безъ того не велика, и можно было бы безъ особыхъ затрудненій сосредоточить въ ней весь описательный матеріалъ, занимающій много страницъ въ первой части и обыкновенно помѣщаемый въ приложеніяхъ, служащихъ, такъ сказать, оправдательными документами для изслѣдованій. Тогда изслѣдованія не загромождены были бы массою сырого матеріала, стоящаго не на своемъ мѣстѣ. Они были бы гораздо короче, но зато яснѣе и отчетливѣе. Въ свою очередь выиграли бы и самыя

приложенія количествомъ и качествомъ изданнаго матеріала, составляющаго главную силу въ сочиненіи г. Перетца.

Въ концѣ второй части приложены указатель рукописей и указатель именъ. Въ первомъ изъ нихъ дѣлаются ссылки на страницы, на которыхъ упоминаются тѣ или другія рукописи. Всѣхъ рукописей 168, въ томъ числѣ отмѣчены и тѣ изъ нихъ, которыя были извѣстны автору только по описаніямъ. Мы замѣтили неправильныя ссылки на слѣдующія страницы первой части: на страницѣ 169 нѣтъ рукописи Ундольскаго № 160, на стр. 298 нѣтъ рукоп. Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 12, на стр. 397 и 398 нѣтъ рукоп. Имп. пуб. биб. O. J. № 364, на стр. 401 нѣтъ рукоп. кіев. дух. Акад. № 73. Въ указателѣ не отмѣчено, что изъ рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 11 напечатаны значительные отрывки во второй части сочиненія г. Перетца. Такъ какъ въ указателѣ хронологія рукописей не показана, то приходится имѣть дѣло только съ библіотечными знаками рукописей, что затрудняетъ пользованіе самимъ указателемъ. Затрудненіе это увеличивается еще и оттого, что не отдѣлены въ указателѣ тѣ рукописи, на которыя авторъ дѣлаетъ простыя ссылки, отъ тѣхъ, которыя вошли въ составъ его сочиненія въ болѣе или менѣе значительныхъ извлеченіяхъ.

Мы окончили разборъ сочиненія г. Перетца и не безъ внутренняго раздвоенія должны выразить о немъ наше окончательное мнѣніе. Не мало въ немъ, какъ мы видѣли, недостатковъ, преимущественно методологическихъ, но въ цѣломъ оно представляется намъ новымъ по замыслу и значительнымъ по содержанію. Избравъ для своихъ историко-литературныхъ изслѣдованій русской пѣсни твердую отправную точку въ юго-западныхъ виршахъ конца XVI и начала XVII вѣка, авторъ обращается прямо къ старопечатнымъ книгамъ и къ рукописнымъ сборникамъ виршевой поэзіи и спускается отъ нихъ къ народной пѣснѣ, а не наоборотъ, какъ это большею частію дѣлалось прежде. Правда,

онъ не захватываетъ вопроса съ внутренней стороны, не указываетъ съ достаточной полнотой и ясностью на точки соприкосновенія между народнымъ міровоззрѣніемъ и виршевымъ, между народной поэтической техникой и виршевой, не выясняетъ переходныхъ ступеней въ малорусскихъ вліяніяхъ и великорусскихъ воспріятіяхъ въ исторической преемственности этихъ явленій, но всѣ эти пробѣлы мы объясняемъ труднымъ положеніемъ автора, который въ виду не собраннаго еще и вообще мало извѣстнаго матеріала долженъ былъ самъ подготовлять почву для своихъ изслѣдованій и взять на себя множество черновыхъ и кропотливыхъ работъ, неизбѣжно связанныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, разбросанныхъ въ разныхъ библіотекахъ и архивахъ. Въ результатѣ получилась та первоначальная обработка сырого матеріала, которая послужитъ надежнымъ основаніемъ для другихъ болѣе всесторонніхъ изслѣдованій. Довольно сказать, что сочиненіе г. Перетца, всецѣло посвященное виршамъ, обнимаетъ этотъ громадный и въ то же время крайне подвижный и зыбкій матеріалъ на пространствѣ двухъ вѣковъ — отъ конца XVI до конца XVIII в. Другого подобнаго сочиненія пока нѣтъ въ наукѣ, поэтому намъ кажется, что оно вполнѣ заслуживаетъ половинной преміи имени митрополита Макарія.

П. Житецкій.

Кіевъ. 1901 г. Апрѣля 10 д.

III.

В. В. Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, авторъ Писемъ русскаго путешественника. СПБ. 1899.

Въ «Письмахъ русскаго путешественника», замѣчаетъ г. Сиповскій въ предисловіи къ своему труду, «ясно отражается личность Карамзина; они, кромѣ того, интересны, какъ произведеніе, съ которымъ органически связывается развитіе всей новѣйшей русской литературы — и, наконецъ, историку культуры они даютъ показанія, очень цѣнныя для пониманія русскаго общества конца XVIII вѣка»... — Изученію Путешествія Карамзина съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія посвящена третья, послѣдняя глава сочиненія г. Сиповскаго. Въ этой главѣ Письма русскаго путешественника разсматриваются: а) съ біографической стороны, б) съ историко-литературной стороны и в) съ историко-культурной стороны. Въ двухъ предшествующихъ главахъ находимъ: а) біографическія свѣдѣнія о Карамзинѣ до времени путешествія и б) свѣдѣнія о литературной исторіи Писемъ русскаго путешественника (происхожденіе «Писемъ»; исторія текста «Писемъ»; слѣды литературныхъ вліяній въ «Письмахъ»; литературный жанръ «Писемъ»). Въ приложеніяхъ къ книгѣ помѣщены статьи: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» и «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина».

Достоинство такихъ научныхъ трудовъ, какъ трудъ г. Сиповскаго, — трудовъ, въ которыхъ вниманіе изслѣдователя сосредо-

точивается на изученіи одного литературнаго произведенія, — опредѣляется тщательностью и законченностью разработки избранной темы, полнотой собранныхъ фактовъ, новизной и основательностью соображеній и выводовъ.

Изслѣдованіе г. Сиповскаго вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ.

Для сужденія о степени тщательности работы г. Сиповскаго можно указать на тотъ отдѣлъ его сочиненія, гдѣ указываются слѣды литературныхъ вліяній въ «Письмахъ русскаго путешественника». Разсмотрѣвъ внимательно «рядъ произведеній описательнаго характера (путешествія, описанія городовъ), указанія на которыя мы находимъ въ «Письмахъ русскаго путешественника», г. Сиповскій замѣчаетъ: «кромѣ этихъ сочиненій, есть цѣлый рядъ справочныхъ изданій и «путешествій», на которыя въ «Письмахъ русскаго путешественника» нѣтъ никакихъ ссылокъ, хотя они были знакомы Карамзину и для «Писемъ» его дали нѣкоторый матеріалъ. Нѣсколько такихъ сочиненій найдены нами случайно при *послѣдовательномъ чтеніи* находящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ сочиненій, по содержанію и по времени изданія близкихъ къ «Письмамъ русскаго путешественника» (стр. 314). Внимательность и старательность, которыя обнаруживаются въ этомъ «послѣдовательномъ чтеніи» справочныхъ сочиненій и путешествій, открываются также на тѣхъ страницахъ книги г. Сиповскаго, которыя заняты сравненіемъ текста двухъ первыхъ изданій «Писемъ русскаго путешественника» (стр. 170 и слѣд.).

Рядомъ съ тщательнымъ, кропотливымъ подборомъ фактовъ находимъ у г. Сиповскаго новыя сопоставленія фактовъ, счастливыя соображенія и догадки. Для примѣра укажемъ замѣчанія г. Сиповскаго о разницѣ между первыми и послѣдними «Письмами русскаго путешественника». «Нельзя, наконецъ, не сказать, — пишетъ г. Сиповскій, — что «Письма русскаго путешественника» оказались настолько чуткими къ субъективнымъ воздѣйствіямъ ихъ автора, что десять лѣтъ промежутка между появленіемъ въ свѣтъ первой половины ихъ и второй замѣтно отразились на

нихъ: «Письма» состарились вмѣстѣ съ ихъ творцомъ... Во второй половинѣ «Писемъ» преобладаетъ уже жизнь «разумомъ», сантиментализмъ же еле замѣтенъ... Карамзинъ холоднѣе смотритъ на все и пользуется своимъ «произведеніемъ» уже для проведенія въ публику своихъ позднѣйшихъ взглядовъ, чувствъ и интересовъ... Такимъ образомъ, хотя «Письма» дѣйствительно могутъ быть названы «зеркаломъ» души Карамзина, но изслѣдователь долженъ очень осмотрительно относиться къ этому зеркалу, чтобы не смѣшать взглядовъ Карамзина, относящихся къ разнымъ періодамъ его жизни» (стр. 448 — 449). Разсматривая «Письма русскаго путешественника» съ историко-культурной стороны, г. Сиповскій приводитъ любопытныя данныя изъ исторіи цензуры въ екатерининское и павловское время; эти данныя извлечены изъ бумагъ архивовъ сенатскаго и Государственнаго Совѣта (стр. 551). Помѣщенная въ приложеніяхъ статья: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» очень интересна по новымъ соображеніямъ о русскомъ масонствѣ.

Конечно, не со всѣми догадками и выводами г. Сиповскаго можно согласиться; можно указать въ его трудѣ кое-что лишнее, кое-что недостающее, но эти маленькіе недочеты не понижаютъ высокой цѣнности сочиненія, написаннаго даровитымъ и трудолюбивымъ изслѣдователемъ.

Не колеблясь, признаю сочиненіе г. Сиповскаго заслуживающимъ поощрительной преміи.

Ив. Ждановъ.

16 марта 1901 г.

V.

Указатель къ „Опыту Россійской Библіографіи“ **В. С. Сопикова** (къ книгамъ гражданской печати). Составилъ **В. Н. Рогожинъ.** Москва 1900 г., XII + 284 стр.

Въ ряду такъ называемыхъ «справочныхъ изданій», необходимыхъ для библіотекарей и собирателей старинныхъ книгъ, для записныхъ библіографовъ и вообще изслѣдователей по исторіи прежней русской литературы, уже около девяноста лѣтъ числится и занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ извѣстный трудъ В. С. Сопикова — *Опытъ Россійской Библіографіи.*

Такое важное значеніе этого труда основывалось на нѣкоторыхъ неоспоримыхъ его достоинствахъ. Послѣ краткихъ «реестровъ» и «росписей» — начальныхъ попытокъ отечественной библіографіи, только случайно находившихъ себѣ пріютъ на листахъ газетъ и журналовъ или на оберткахъ иныхъ книгъ, — вслѣдъ за нѣмецкимъ изданіемъ Бакмейстера *Russische Bibliothek* и *Систематическимъ обозрѣніемъ литературы въ Россіи* (Шторха и Аделунга), обнявшими печатныя произведенія лишь за небольшіе періоды времени (первое за 1772 — 1787 гг., а второе — съ 1801 по 1806 годъ), — *Опытъ* Сопикова безспорно явился первымъ обширнымъ каталогомъ или первоначальнымъ «книжнымъ сводомъ». Какъ ревностно преданный библіографіи, составитель *Опыта* занесъ на страницы пятитомнаго своего труда свыше тринадцати тысячъ названій для вышедшихъ въ Россіи

книгъ, начиная съ первенцевъ русскихъ типографій XVI столѣтія и кончая современными ему «книжными произведеніями», выпущенными изъ-подъ печатнаго станка въ первыя два десятилѣтія XIX вѣка; кромѣ того, онъ позаботился указать на истинныхъ авторовъ при довольно длинной вереницѣ анонимныхъ книгъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлалъ ссылки на журнальныя рецензіи о нихъ или самъ обронилъ любопытныя библіографическія замѣчанія, — даже увлекаясь мыслію «скучное полезное растворить нѣкоторою пріятностію» помѣстилъ въ своемъ трудѣ «разныя сочиненія какъ прозою, такъ и стихами, взявъ оныя изъ такихъ книгъ, которыя имѣютъ неоспоримое достоинство»[1]).

Но, несмотря на заботливыя старанія Сопикова, *Опытъ Россійской Библіографіи* не уберегся отъ нѣсколькихъ существенныхъ недостатковъ, мало терпимыхъ особенно въ «справочныхъ изданіяхъ»: такъ, въ него закрались довольно значительныя опечатки (въ именахъ, цифрахъ, форматахъ книгъ), которыя могли смущать (да и дѣйствительно приводили въ недоумѣніе) неопытныхъ изслѣдователей; нѣкоторыя заглавія изданій, списывавшіяся съ «объявленій», а не съ «подлинниковъ», или произвольно сокращавшіяся составителемъ, чтобы только не увеличить размѣры *Опыта*, уже не разъ подавали поводъ къ невѣрнымъ заключеніямъ о той или другой книгѣ; наконецъ, отсутствіе правильно выдержаннаго «алфавитнаго указателя заглавій книгъ и фамилій авторовъ», о чемъ думалъ, но что не успѣлъ за смертію исполнить самъ Сопиковъ, всегда тормазило полный успѣхъ пользованія его *Опытомъ*.

«Несовершенства» уже съ давнихъ поръ и до настоящаго времени побуждали русскихъ библіографовъ, начиная съ извѣстнаго «книголюбца» митрополита Евгенія и кончая современными дѣятелями на томъ же поприщѣ, то исправлять, то дополнять *Опытъ Россійской Библіографіи*. Даже четверть вѣка тому назадъ была сдѣлана попытка дать и *Алфавитный указатель именъ авторовъ*,

1) *Опытъ Россійской Библіографіи*, часть вторая, предувѣдомленіе, стр. II.

переводчиковъ, издателей и другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ «Опытѣ Россійской Библіографіи В. Сопикова» (томы II — V)[1]). Но все это были случайныя или частичныя «исправленія», невольно заставлявшія желать «наиболѣе полнаго улучшенія» Сопиковскаго труда. Какъ бы въ отвѣтъ на такое желаніе библіографовъ, теперь появилась книга В. Н. Рогожина.

«Будучи вполнѣ увѣрены, что при настоящемъ положеніи русской библіографіи *Опытъ* Сопикова надолго сохранитъ свое значеніе, какъ необходимое справочное пособіе при изученіи литературы XVIII столѣтія, — говоритъ г. Рогожинъ въ предисловіи къ своему труду, — мы предприняли составленіе *Указателя*, который, надѣемся, возможно облегчитъ пользованіе трудомъ Сопикова» (стр. IV — V).

Сообразно съ этою «практическою» цѣлью, г. Рогожинъ, прежде всего, даетъ въ своей книгѣ (стр. 1 — 120) *Указатель сокращенныхъ заглавій* къ изданіямъ, упомянутыхъ въ *Опытѣ* Сопикова, и самъ же предварительно объясняетъ весьма удобный планъ такого *Указателя*. «Сокращенныя заглавія — пишетъ онъ — расположены въ алфавитномъ порядкѣ по первому имени существительному въ именительномъ падежѣ заглавія книги. Заглавія книгъ, начинающіяся съ предлоговъ, междометій и именъ числительныхъ, помѣщены по алфавиту этихъ же частей рѣчи; многочисленныя оды, рѣчи, слова и стихи сгруппированы по алфавиту или лицъ, для которыхъ писались, или же событій, по поводу которыхъ они подносились» (стр. V).

Нельзя не признать за такимъ *Указателемъ* несомнѣнной и важной пользы. Кому часто приходилось обращаться къ *Опыту Россійской Библіографіи*, тотъ хорошо знаетъ, какъ трудно въ этомъ обширномъ каталогѣ иной разъ отыскать необходимую

---

1) Этотъ «Алфавитный Указатель», составленный П. О. Морозовымъ, былъ напечатанъ въ приложеніи къ *Запискамъ Императорской Академіи Наукъ* 1876 г., т. XXVIII, № 5, стр. 1 — 47.

книгу или случайно, перелистовавъ нѣсколько страницъ, найти ее на несоотвѣтственномъ мѣстѣ: Сопиковъ, какъ извѣстно, расположилъ свой *Опытъ* не по строгой азбучной системѣ, да и не успѣлъ, какъ упомянуто выше, приложить «алфавитнаго указателя» ко всему многотомному труду. Теперь же *Указатель* г. Рогожина впервые даетъ прямую и твердую «аріаднину нить» къ скорому и успѣшному пользованію *Опытомъ* Сопикова, что̀ намъ удалось провѣрить чрезъ многочисленныя справки.

Но, при такомъ признаніи, намъ приходится сдѣлать и одну существенную оговорку: «Алфавитный указатель» г. Рогожина весьма полезенъ для библіографическихъ разыскапій только при условіи, если заглавіе отыскиваемой книги не измѣнено по своему самимъ Сопиковымъ. Для разъясненія приводимъ хотя одинъ примѣръ изъ собственной практики. Существуетъ на русскомъ языкѣ книга съ такимъ заголовкомъ: *Собраніе разныхъ забавныхъ и веселыхъ повѣстей, или Исторической Магазинъ для разума и сердца. Перевелъ съ французскаго Никита Унковской.* Въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи, 1779 года, двѣ части (по экземпляру нашей собственной библіотеки). Это изданіе совершенно правильно занесено Смирдинымъ въ «краткой росписи книгамъ по азбучному порядку» подъ словомъ «*Собраніе*» (см. *Роспись* Смирдина, стр. LXXVII и 671, № 9417). Между тѣмъ Сопиковъ, кромѣ сокращепія и даже опущенія имени переводчика, перемѣстилъ произвольно слова въ заглавіи этой книги, и она явилась на страницахъ *Опыта* уже въ слѣдующемъ видѣ: *Магазинъ (Историческій), или собраніе разныхъ забавныхъ и веселыхъ повѣстей; переводъ съ французскаго; 2 части; Москва 1779* (см. *Опытъ* Сопикова ч. III, стр. 371, № 6132; см. также ч. IV, стр. 466). Вслѣдствіе такого размѣщенія у Сопикова, названная нами книга, естественно, и въ «Алфавитномъ указателѣ» г. Рогожина стоитъ не подъ существительнымъ именемъ — «*Собраніемъ*», какъ бы требовала система составителя *Указателя*, а подъ словомъ «*Магазинъ*» (стр. 36).

Такихъ примѣровъ, конечно, наберется не много, и, за исклю-

ченіемъ ихъ, повторяемъ, что «Указатель сокращенныхъ заглавій», впервые только теперь составленный для *Опыта Россійской Библіографіи*, долженъ принести большое подспорье библіографамъ и безспорно заставитъ ихъ на будущее время быть признательными г. Рогожину, рѣшившемуся на кропотливый, механическій трудъ, котораго не выполнилъ и самъ Сопиковъ.

Подобною же «практическою» задачею руководился В. Н. Рогожинъ и при послѣдующихъ трехъ частяхъ своей работы. Сверхъ разобраннаго «реестра сокращенныхъ заглавій», онъ далъ для *Опыта Россійской Библіографіи* еще три новые «Указателя»: а) авторовъ, переводчиковъ, издателей и редакторовъ (стр. 121 — 182 и стр. 209); б) собственныхъ именъ, преимущественно историческихъ (стр. 183 — 190), и в) книгъ, печатанныхъ въ провинціальныхъ городахъ и за границей (стр. 191 — 192).

Два послѣдніе «Указателя» можно по справедливости назвать новинками для отечественной библіографіи: ихъ нельзя отыскать не только при такихъ справочныхъ изданіяхъ прежняго времени, какъ *Роспись* Смирдина и *Реестръ* Ольхина, но даже и при новыхъ каталогахъ, напримѣръ — Межова. Поэтому работа надъ двумя названными «Указателями» составляетъ прямую заслугу г. Рогожина и представляетъ очевидный образецъ для другихъ каталогистовъ.

Однако, при неоспоримой пользѣ второго и третьяго «Указателей», собственно для библіографовъ, обращающихся къ *Опыту* съ запросами о той или другой старинной книгѣ и ея авторѣ, наиболѣе важенъ первый Рогожинскій «Указатель» (т. е. писателей, переводчиковъ, издателей и редакторовъ), который совсѣмъ не былъ составленъ Сопиковымъ и до сихъ поръ лишь отчасти восполнялся трудомъ г. Морозова. Этотъ «Указатель», благодаря трудолюбію и знаніямъ г. Рогожина, получилъ не только практическое значеніе, но и историко-литературный интересъ: руководя обращающагося къ *Опыту* указаніями на какого-либо автора или переводчика и помѣщая при ихъ именахъ рядъ нумеровъ, подъ которыми у Сопикова значатся произведенія этихъ

лицъ, — онъ въ то же время доставляетъ любопытные и даже новые матеріалы для словаря русскихъ писателей, раскрывая псевдонимы и анонимы, относя ко многимъ литературнымъ дѣятелямъ неизвѣстныя раньше сочиненія или переводы.

Не имѣя въ виду перечислять всѣ интересныя и отличающіяся новизною свѣдѣнія Рогожинскаго «Указателя авторовъ, переводчиковъ, издателей, редакторовъ и др. лицъ», для поясненія ограничиваемся двумя болѣе рельефными примѣрами. Первый изъ нихъ касается одного изъ раннихъ друзей баснописца Крылова — Ивана Герасимовича Рахманинова, довольно извѣстнаго въ нашей литературѣ XVIII вѣка своими переводами изъ Вольтера. Съ его именемъ Сопиковъ зачислилъ въ *Опытъ Россійской Библіографіи* девять произведеній, что̀ съ точностію повторилъ и г. Морозовъ въ своемъ «Алфавитномъ Указателѣ» (стр. 35). На самомъ же дѣлѣ оказывается, что въ *Опытѣ* названо еще девять анонимныхъ трудовъ Рахманинова, которые теперь впервые, на основаніи безспорныхъ доказательствъ, открываетъ Рогожинскій «Указатель» (стр. 165) и, такимъ образомъ, вдвое увеличиваетъ переводческую дѣятельность стариннаго русскаго литератора.

Другой примѣръ относится къ иностранному писателю, до «Указателя» г. Рогожина несправедливо зачисленному въ рядъ якобы нашихъ отечественныхъ писателей. Такъ, въ *Опытѣ Россійской Библіографіи* отмѣчена брошюра — *Отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ мы одолжены Ишпаніи, соч. г. Абденина* (ч. IV, стр. 104, № 7966), съ очевидною опечаткою въ фамиліи автора, т. е. *Аб* (бата) *Денина*, извѣстнаго италіанскаго историка (1731 — 1813 гг). Между тѣмъ «Указатель» г. Морозова помѣстилъ это лицо въ формѣ *Абденинъ*, какъ именительной падежъ фамиліи (стр. 1), и только въ настоящее время Рогожинскій «Указатель» (стр. 121 и 138) разъясняетъ эту путаницу, хотя, прибавимъ, и онъ приводитъ невѣрно *Денинъ* вмѣсто: *Денина* (Denina).

Подтверждая такими двумя примѣрами достоинства Рогожинскаго «Указателя», мы, тѣмъ не менѣе, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія его «списка авторовъ», считаемъ необходимымъ сдѣ-

лать нѣсколько поправокъ и дополненій, которыя, надѣемся, послужатъ къ улучшенію *Опыта Россійской Библіографіи*, а именно:

Андреевъ, Козьма Ѳ...., по отцу *Ѳедоровичъ*, о чемъ см. *Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей* (1862 г., кн. 3, отд. I, стр. 10).

Байковъ, Павелъ....., по отчеству *Сергѣевичъ*, умеръ 26 февраля 1816 года (*Древн. и Нов. Россія* 1878 г., № 4, стр. 349).

Бакунинъ, Модестъ..... имѣлъ отчество *Петровичъ* (тамъ же).

Безакъ, Христіанъ Христіановичъ, именовался и *Христіанъ Ивановичъ*, какъ указываютъ «Записки С. Н. Глинки» (*Русск. Вѣстникъ* 1866 г., т. 61, кн. 2, стр. 672 — 673).

Богородицкій, Алексѣй не *Дмитріевичъ*, а *Демидовичъ*, какъ вѣрнѣе указываетъ и самъ г. Рогожинъ въ другомъ мѣстѣ, на стр. 270.

Богоявленскій И.... Это — *Иванъ* Богоявленскій, о рукописныхъ переводахъ котораго упоминается въ *Описаніи рукописей Румянцевскаго Музеума*, составленномъ А. Востоковымъ (стр. 590).

Бригонцій, Иванъ..... по отцу *Осиповичъ*.

Бѣляевъ, Иванъ..... носилъ отчество *Ивановичъ* и состоялъ губернскимъ прокуроромъ въ Калугѣ (см. *Современникъ* 1857 г., кн. 3, отд. V, стр. 262).

Бѣляковъ, Михаилъ.... по отцу *Игнатьевичъ*, о чемъ см. книгу Н. Барсукова: *Жизнь и труды Погодина* (кн. I, стр. 25) и *Русскую Старину* 1888 г., кн. 9, стр. 501 — 503.

Веницѣевъ, Семенъ.... *Никифоровичъ*,, какъ указываютъ: *Москвитянинъ* 1842 г., кн. 2, стр. 476 — 477 и *Современникъ* 1857 г., кн. 3, отд. V, стр. 261 — 262.

Волковъ, Платонъ..... *Григорьевичъ* (о немъ см. *Русск. Архивъ* 1885 г., кн. 5, стр. 29 — 30).

Діонисій, архимандритъ, по фамиліи *Цвѣтаевъ* (см. *Списки іерарховъ* Строева, стр. 911).

Дубровскій, Адріанъ.... *Ларіоновичъ*, какъ показываютъ «Письма

С. Р. Воронцова» въ *Архивѣ князя Воронцова*, кн. XVI, стр. 3, 24, 35 — 36 и слѣд.

Зиновьевъ, Дмитрій..... *Николаевичъ*, о чемъ см. *Труды Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи* при Казанскомъ Университетѣ за 1898 — 1899 годъ.

Каменскій, Михаилъ.... Это — графъ Михаилъ *Ѳедотовичъ* Каменскій, какъ указываетъ *Словарь* митр. Евгенія (т. I, стр. 45).

Кандорскій, Иванъ — Михаилъ... Здѣсь въ третьемъ словѣ, конечно, досадная опечатка: надо читать *Михайловичъ*. Это — отчество протоіерея Кандорскаго, о которомъ см. *Сборникъ въ честь митр. Филарета*, М. 1883 г., ч. I, стр. 18.

Каринъ, Н..... Это — *Николай Григорьевичъ Каринъ*, питомецъ Московскаго Университета (о немъ см. книгу Шевырева: *Исторія Московскаго Университета*, стр. 48).

Кобылецкій, Даніилъ.... *Акимовичъ*, какъ указано въ *Древн. и Нов. Россіи* 1880 г., № 6, стр. 290 — 299.

Колокольниковъ, Василій... *Яковлевичъ*, какъ онъ названъ въ *Сборникѣ Импер. Русск. Историческ. Общества*, т. II, стр. 133 — 140.

Константиновъ, придворный актеръ... именовался *Алексѣемъ*.

Кочубей Василій... *Васильевичъ*, какъ называетъ его Шевыревъ въ *Исторіи Московскаго Университета*, стр. 76.

Локателли..... *Іоаннъ Баптистъ*, названный такъ въ *Драматическомъ Словарѣ* (М. 1787 г., стр. 146).

Масловичъ, Василій..... *Григорьевичъ*, какъ показываютъ документальныя свѣдѣнія, напечатанныя въ *Русской Старинѣ* 1892 г., кн. 7, стр. 139 — 142.

Метальниковъ, Иванъ.... *Яковлевичъ*, какъ о томъ упоминается въ сборникѣ *Литературный Вечеръ*, М. 1844, стр. 259.

Мещерскій, князь..... Это — гофмаршалъ генералъ-лейтенантъ князь *Прокопій Васильевичъ Мещерскій*, любопытныя свѣдѣнія о которомъ появились въ *Курскихъ епарх. Вѣдомостяхъ* (1894 г., № 27) и *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* (1895 г., прибавл., № 3, стр. 95 — 97).

Останавливаемъ здѣсь свои библіографическія замѣтки, касающіяся «списка авторовъ», и переходимъ къ послѣдней важной части «*Указателя*» В. Н. Рогожина, озаглавленной довольно скромно: «примѣчанія, дополненія и поправки», но заключающей обширный и важный комментарій къ *Опыту Россійской Библіографіи* (стр. 210 — 283). Эта часть, также появляющаяся лишь по счастливой иниціативѣ г. Рогожина и вносящая много новыхъ данныхъ въ исторію оригинальной и переводной русской литературы, позволяетъ видѣть, какими рѣдкими источниками руководился составитель «*Указателя*» при своей сложной работѣ. Такъ, кромѣ существующей библіографической литературы, близко знакомой г. Рогожину, въ его рукахъ были мало доступные всѣмъ, но драгоцѣнные источники, какъ напримѣръ: подлинныя рукописныя дѣла Московской Цензуры за время царствованія Павла I, давшія объясненія къ сто двадцати одной анонимной книгѣ, — копія съ письменной довѣренности вдовы переводчика Рахманинова по изданію трудовъ ея покойнаго мужа, библіографическіе матеріалы, собранные Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ и хранящіеся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ[1]), рукописныя замѣтки извѣстнаго библіофила С. Д. Полторацкаго на экземплярѣ *Опыта* Сопикова, находящемся въ Румянцевскомъ Музеѣ, и—наконецъ— самые «подлинники» болѣе замѣчательныхъ книгъ, нерѣдко съ любопытными автографами.

При помощи такихъ документальныхъ матеріаловъ г. Рогожину удалось разоблачить много литературныхъ псевдонимовъ, указать дѣйствительныхъ авторовъ для длиннаго ряда безыменныхъ книгъ, исправить и пополнить прежнія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ писателяхъ, критически отнестись къ большинству показаній Сопикова и всѣхъ послѣдующихъ библіографовъ, — словомъ, произвести надъ *Опытомъ Россійской Библіографіи* строго-

1) Какъ извѣстно, только небольшая часть этихъ «Матеріаловъ» появилась въ *Книговѣдѣніи* (1894 г., №№ 3 — 4).

фактическое разслѣдованіе и тѣмъ самымъ дать надежное руководство, которое, несомнѣнно, будетъ настольною книгою у всѣхъ, занимающихся исторіею русской литературы и библіографическими разысканіями за періодъ XVIII и начала XIX столѣтій.

Но русская библіографія, по выраженію одного изслѣдователя, «такое море, котораго не вычерпнуть и самыми усовершенствованными снарядами». Поэтому и намъ приходится отмѣтить слѣдующіе нумера изъ разбираемой части Рогожинскаго *Указателя*, по поводу которыхъ требуются новыя добавочныя объясненія:

№№ 1755—1756. «Вѣроятно—замѣчаетъ г. Рогожинъ—переводъ перваго изданія этой книги *(О подвигѣ Христіанина)* принадлежитъ ему же» (т. е. Ивану Тодорскому). Судя по нашему экземпляру, это — дѣйствительный фактъ, такъ какъ при книгѣ находится посвященіе Д. И. Балашеву съ подписью: «Орловскаго духовнаго училища бывшій учитель Иванъ Тодорскій».

№ 1792. Нельзя основываться на колеблющемся показаніи Геннади, что *Азбука*, «кажется, составлена митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ», а слѣдуетъ обратить вниманіе на замѣчанія г. Шмурло въ *Библіографѣ* (1887 г., № 12, стр. 124).

№ 2491. Это — переводъ дѣйствительно И. Татищева, какъ свидѣтельствуетъ его собственное письмо (см. *Архивъ кн. Воронцова*, М. 1884 г., кн. XXX, стр. 414).

№ 2573. Книга безспорно принадлежитъ переводчику Ивану Андреевичу Вельяшеву-Волынцеву, какъ убѣждаетъ предисловіе его къ другому переводу — *Исторіи о крестовыхъ походахъ* (см. наше изслѣдованіе *Вольтеръ въ русской литературѣ*, Спб. 1878 г., стр. 31).

№ 3044. Однимъ изъ составителей *Грамоты дворянству* былъ Анисимъ Титовичъ Князевъ, о чемъ см. *Русскій Архивъ* 1885 г., кн. 8, стр. 461 — 474.

№ 3364. Г. Рогожинъ ссылается на митрополита Евгенія, кото-

рый говоритъ, что графу П. С. Потемкину «приписывается лирическая драма *Зельмира и Смѣлонъ*». Но уже давно напечатано одно современное письмо, прямо подтверждающее это предположеніе (см. *Русск. Архивъ* 1879 г., кн. 8, стр. 441).

№ 3526. Буквы *К. П. Ц.* давно разгаданы: онѣ обозначаютъ «князя Павла Дмитріевича Циціанова» (см. *Русскую Старину* 1890 г., кн. 4, стр. 141).

№ 3661. «Приписано — говоритъ г. Рогожинъ — Сопиковымъ Евгенію Болховитинову». Однако такое приписываніе имѣетъ основанія, указанныя въ *Библіографѣ* 1888 г., № 5 — 6, стр. 229 — 230.

№№ 3760 — 3761. Эти двѣ книги «перевелъ съ латинскаго языка *У. А. М.*» Три иниціала обозначаютъ «учителя Александра Мельгунова», о чемъ см. въ книгѣ С. Смирнова: *Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи*, М. 1855, стр. 336.

№ 3800. *Журналъ Отечественной Музыки* издавался не только въ 1806 году, какъ указываетъ Сопиковъ, но и въ 1807 году, о чемъ см. замѣтку Н. Губерти въ *Россійской Библіографіи* (1881 г., № 83, стр. 149 — 151).

№ 3893. О *Журналѣ Каррикатуръ* сохранилось дѣло 1808 года; отрывокъ изъ этого дѣла напечатанъ въ *Новомъ Времени* (1888 г., № 4331) и прямо указываетъ на издателя — Алексѣя Гавриловича Венеціанова.

№ 3978. Это — переводъ не Ивана Тимковскаго, а *Ивана Евсѣевича Срезневскаго*, какъ документально показано въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1898 г., кн. 6, стр. 360).

№№ 4835 — 4842. О многихъ изданіяхъ *Исторіи о разореніи Трои* необходимо имѣть въ виду библіографическую замѣтку А. Савича (см. *Библіографъ* 1887 г., № 1, стр. 7 — 8).

№ 5635. Комедія *Страсть къ стихотворству*, анонимная у Сопикова и не нашедшая разгадки переводчика въ матеріалахъ г. Рогожина, переведена на русскій языкъ «барономъ

Павломъ Ѳедоровичемъ Мальтицемъ», какъ указываютъ «Письма Пикара къ кн. А. Б. Куракину» (см. *Русскую Старину* 1878 г., кн. 5, стр. 66).

№ 6132. Какъ мы уже сказали выше, книга, анонимно обозначенная у Сопикова, переведена съ французскаго *Никитою Унковскимъ,* что̀ указано на заглавномъ листѣ ея и подъ «посвященіемъ» Ѳ. М. Толстому.

№ 6232. Эта переводная книжка имѣла длинное заглавіе, которое значительно сокращено въ *Опытѣ* Сопикова (см. о томъ въ *Современникѣ* 1857 г., кн. 7, стр. 73).

№ 6533. Нельзя думать, что эту книгу «перевели П. П. и С. Л»; на заглавномъ листѣ ея, какъ указано въ *Словарѣ* Геннади (т. II, стр. 240), стояло: «съ нѣм. перев. *П. П. и К. С. Л-в-т-в-мъ*», что̀ означаетъ: «переведено *П*ридворнымъ *П*ротоіереемъ и *К*авалеромъ *С*ергѣемъ *Л*ивотовымъ».

№№ 6851 — 6852. Подъ этими двумя нумерами значатся повѣсти съ одинаковымъ названіемъ: «*Нещастная Лиза*»: первая изъ нихъ можетъ принадлежать князю Долгорукову, но вторая несомнѣнно напечатана Василіемъ Семеновичемъ Раевскимъ, какъ указано въ *Молвѣ* (1835 г., № 5, стр. 75 — 76).

№ 6931. Подъ «предисловіемъ» къ этой книгѣ, какъ видно изъ экземпляра нашей библіотеки, стоятъ еще загадочные иниціалы: *С. У.*

№ 7055 Это — «рѣдчайшая ода», принадлежащая перу М. М. Хераскова; она напечатана не въ 1800 году, какъ показываетъ *Опытъ* Сопикова, а въ 1801 году. Мы перепечатали ее по своему экземпляру въ статьѣ, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1901 г., кн. 4, стр. 483 — 487).

№ 7093. Буква *С.*, стоящая при заглавіи этой книги, теперь разгадана: она обозначаетъ иниціалъ фамиліи автора — *И. Е. Срезневскаго* (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 г., кн. 6, стр. 354).

№ 7190. Эта ода, по обычаю значительно измѣненная въ за-

главіи Сопиковымъ и показанная имъ безъ имени автора, принадлежитъ «учителю Московской Славено-Греко-Латинской Академіи Михайлѣ Завьялову», какъ значится въ концѣ самой оды (по экземпляру нашей собственной библіотеки).

№ 7419. Опера «*Душинька*» (sic) написана *Аркадіемъ Васильевичемъ Кочубеемъ* и графомъ *Серіемъ Павловичемъ Потемкинымъ* (см. *Русскую Старину* 1878 г., кн. 11, стр. 546).

№ 7580. Это «*Описаніе городовъ Московской губерніи*» принадлежитъ *проф. Харитону Андреевичу Чеботареву*, какъ указываетъ любопытная замѣтка въ *Московскихъ епарх. Вѣдомостяхъ* (1871 г., № 14, стр. 136).

№ 7663. Въ нашей библіотекѣ находится не только «*Описаніе*», но и самыя «карты» (сто четыре штуки), «сочиненныя К(оллежскимъ) А(ссесоромъ) Петромъ Шелеховымъ», съ изображеніемъ губерній Россіи.

№ 7896. «Здѣсь (т. е. въ *Опытѣ о человѣкѣ*, переведенномъ Н. Поповскимъ), — говоритъ г. Рогожинъ, — Амвросію принадлежатъ исправленія во многихъ мѣстахъ при разсужденіяхъ до вѣры принадлежащихъ». Такую общую фразу слѣдуетъ подтвердить ссылкою на детальную «Исторію изданія *Опыта о человѣкѣ*», напечатанную проф. Н. С. Тихонравовымъ (см. *Русскій Архивъ* 1872 г., кн. 7, стр. 1311 — 1322 и *Сочиненія Н. С. Тихонравова*, М. 1898 г., т. III, ч. 1, стр. 82 — 89).

№ 8016. При книгѣ «*Оттѣнки моего сердца*», изданной, по словамъ Сопикова, какъ «сочиненіе г. У. Ва», и анонимно — по *Росписи* Смирдина, невозможно ссылаться только на первое изданіе *Исторіи русской словесности* Галахова (т. II, стр. 125), гдѣ говорилось, что названная книга принадлежитъ какому-то *Ушакову*. Во второмъ изданіи своего труда г. Галаховъ исключилъ прежнее показаніе, конечно потому, что появилось свидѣтельство И. А. Второва о безспорной принадлежности «*Оттѣнковъ*» *П. Урусову* (см. *Русскій Вѣстникъ* 1875 г., кн. 5, стр. 121).

№№ 8835 — 8839. Въ настоящее время о книгѣ *Правила піитическія* появилась большая статья А. П. Кадлубовскаго въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1899 г., кн. 7, стр. 189 — 240).

№ 9125. Эта книжка принадлежитъ *В. Б. Жегочеву* (въ монашествѣ — *Виталію*), какъ указываетъ «*Каталогъ библіотеки Московской Духовной Академіи*» (стр. 277).

№ 9171. *Путешествіе игумена Биноса* переведено съ нѣмецкаго Михаиломъ Ивановичемъ Антоновскимъ, какъ онъ самъ упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ» (см. *Русскій Архивъ* 1885 г., кн. 2, стр. 161).

№ 9209. Эта книга переведена А. Н. Радищевымъ, какъ можно думать на основаніи его «Писемъ къ А. Р. Воронцову» (см. *Архивъ князя Воронцова*, кн. V, стр. 289 и 297).

№ 9589. *Разсужденіе о мирѣ и войнѣ* дѣйствительно принадлежитъ Василію Ѳедоровичу Малиновскому, какъ подтверждаетъ его «Письмо къ А. Р. Воронцову» (см. *Архивъ князя Воронцова* кн. XXX, стр. 394), хотя на заглавномъ листѣ книжки стоятъ только иниціалы: *В. М.*

№ 9619. Это изданіе состоитъ изъ двухъ «разсужденій»: первое — *О религіи патріарховъ, до Закона живших*ъ — В. Кутневича, а второе — *О пользѣ и важности церковной исторіи* — А. Скородумова; послѣднему, кромѣ того, принадлежало «*Разсужденіе о началѣ идолопоклонства*» (см. книгу И. Чистовича: *Исторія С. Петербургской Дух. Академіи*, Спб. 1857 г., стр. 143).

№ 10.014. У Сопикова въ иниціалахъ переводчика вкралась ошибка; судя по подлиннику нашей собственной библіотеки, на заглавномъ листѣ книжки значится: «вновь переведена на Россійскій языкъ *М. Ю*».

№ 10.025. Заголовокъ этой книги, какъ видно изъ подлинника нашей библіотеки, не только сокращенъ Сопиковымъ, но даже измѣненъ.

№ 10.278. Только *первое изданіе* «Сказанія» (1787 г.) безъ

«присовокупленія сокращеннаго описанія» напечатано В. Г. Вороблевскимъ; *второе же изданіе* (1795 г.) «съ присовокупленіемъ» вышло подъ руководствомъ И. О. Туманскаго (см. статью Пекарскаго въ *Современникѣ* 1855 г., т. LI, кн. 5, отд. II, стр. 34).

№ 10.824. Объ этомъ *Словѣ* и его авторѣ см. наши *Новые матеріалы для исторіи русской духовной литературы* (Спб. 1885 г., стр. 10).

№ 11.088. Переводъ *Сокращенія универсальной исторіи* (1808) принадлежалъ Ѳ. И. Чумакову, о чемъ см. *Труды Общества Любителей Россійской Словесности*, М. 1812 г., ч. IV, стр. 205.

№ 11.535. Кромѣ перепечатки, исполненной К. Ѳ. Калайдовичемъ (1818 г.), теперь есть и третье изданіе *Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній* (М. 1878 г.).

№ 11.596. Второе изданіе книги *Судъ Шемяки* (М. 1794 года) и предисловіе къ ней принадлежатъ *А. Осипову* (см. *Русскій Архивъ* 1890 г., кн. 4, стр. 569 — 574).

№ 12572. Объ этой брошюрѣ, приписываемой Фонвизину, см. нашу замѣтку въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1892 г., № 11, стр. 805.

№ 12615. Эта книжка, какъ значится на экземплярѣ нашей библіотеки, «переведена съ французскаго языка на россійскій Артиллеріи Сержантомъ Николаемъ Ивановымъ».

№№ 12969 — 12970. О двухъ изданіяхъ этой книжки и ея авторѣ см. наши *Новые матеріалы для исторіи русской духовной литературы*, стр. 7.

Послѣ такихъ библіографическихъ замѣчаній, намъ остается упомянуть о трехъ приложеніяхъ къ *Указателю* В. Н. Рогожина: эти приложенія — а) «Списокъ рѣдкихъ книгъ, по *Опыту* Сопикова» (стр. 193 — 204), б) «Списокъ книгъ, проданныхъ Академическимъ Комитетомъ въ 1808 году на вѣсъ» (стр. 205 — 208), г) «Списокъ книгъ, напечатанныхъ при Академіи Наукъ и проданныхъ на вѣсъ въ 1806 году» (стр. 208). Если два послѣдніе

«Списка» являются готовою перепечаткою изъ *Опыта Россійской Библіографіи* (ч. II, стр. 393 — 399) и потому не имѣютъ особенной важности въ глазахъ библіографовъ, то первый «Списокъ», напротивъ, составленъ самимъ г. Рогожинымъ на основаніи отмѣтокъ Сопикова, въ разныхъ мѣстахъ его труда, и можетъ при быстрыхъ справкахъ служить удобнымъ руководствомъ. Жаль только, что при «рѣдкихъ книгахъ» этого «Списка» составитель нигдѣ не упоминаетъ, почему та или другая изъ нихъ считается и теперь «печатнымъ раритетомъ». Напримѣръ, «рѣдкость» книги *Кумъ Матвѣй* (стр. 198) объясняется двумя любопытными документами, помѣщенными въ *Архивѣ кн. Воронцова* (М. 1881 г., кн. XX, стр. 491 — 493), а трудность найти изданіе трагедіи *Юлій Цесарь* (стр. 204), переведенной Карамзинымъ, обусловлена извѣстнымъ распоряженіемъ о ней кн. А. А. Прозоровскаго: «отложить въ число вредныхъ книгъ», т. е. предать уничтоженію (см. *Лѣтописи Русской Литературы*, Тихонравова, М. 1863 г., т. V, отд. II, стр. 10). Подобныя «отмѣтки при рѣдкихъ книгахъ», несомнѣнно, представили бы значительный историко-литературный интересъ, подтверждая классическое изреченіе: «Habent sua fata libelli».

Заключая свой разборъ Рогожинскаго *Указателя*, мы считаемъ долгомъ признать, что замѣченные нами пробѣлы его восполняются высокими качествами труда, заслуживающими благодарности со стороны библіографовъ и должнаго поощренія со стороны высшаго научнаго учрежденія — Императорской Академіи Наукъ. Поэтому мы ходатайствуемъ предъ Отдѣленіемъ Русскаго Языка и Словесности о награжденіи книги г. Рогожина одною изъ Макаріевскихъ премій, — наградъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ того знаменитаго іерарха Русской церкви, который въ своихъ историческихъ трудахъ всегда опирался на рукописные

или печатные памятники литературы и собственныя изслѣдованія постоянно сопровождалъ многими «библіографическими примѣчаніями».

Главный библіотекарь Императорскаго
Московскаго Университета **Д. Д. Языковъ.**